

18+

ЛУННАЯ МОЛЬ

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

Лунная Моль и другие рассказы

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Лунная Моль и другие рассказы / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905150-9

В ранних произведениях Джека Вэнса уже заметны оригинальность, иронический юмор и стиль, характерные для всех его сочинений. Этот сборник содержит рассказы и новеллы, относящиеся к особенно плодотворному этапу его писательской деятельности, начавшемуся в середине 1950-х годов — к периоду с 1951 по 1973 гг.

ISBN 978-5-44-905150-9

© Вэнс Д.
© Издательские решения

Содержание

Новый Первоизбранник	6
Возвращение людей	24
Убежище Уллворда	31
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лунная Моль и другие рассказы

Джек Вэнс

Александр Фет *Переводчик*

Yvonne Less *Дизайнер обложки*

© Джек Вэнс, 2019

© Александр Фет, перевод, 2019

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4490-5150-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новый Первоизбранник

Музыка, карнавалы, огни, шорох обуви, скользкая по намокнутому дубовому паркету, ароматы духов, приглушенные разговоры и смех...

Артур Кэйвершем находился в Бостоне двадцатого века. Чувствуя, как ветерок обдувает кожу, он обнаружил, что красуется в чем мать родила.

Праздновали светский дебют Дженис Пажэ: вокруг расхаживали три сотни гостей в строгих костюмах и вечерних платьях.

Сначала Артур не ощущал никаких эмоций, кроме неопределенного замешательства. Его присутствие на вечеринке казалось результатом какой-то логической последовательности событий, но память затуманилась – он не мог найти никакого объяснения происходящему.

Он стоял поодаль от компании молодых холостяков, лицом к красной с золотом каллиопе, возле которой расположились оркестранты. Справа лакеи, наряженные клоунами, суежились вокруг буфета, пуншевой чаши и тележек с шампанским; слева, за распахнутыми откидными шторами циркового шатра, виднелся сад, озаренный гирляндами цветных лампочек – красных, зеленых, желтых, синих; еще дальше Кэйвершем заметил карусель.

Почему он здесь оказался? Он не помнил никакой причины, никакого намерения... Выдалась теплая ночь. Артур подумал, что другие гости, в костюмах-тройках, должны были изрядно потеть... Какая-то идея копошилась в уме, напрашивалась, дразнила... Во всем, что он видел, был некий немаловажный аспект. Но мысль упорно пряталась в подсознании, оставаясь раздражающе неуловимой.

Артур заметил, что ближайшие молодые люди начали потихоньку отступать от него. Послышались смешки, изумленные возгласы. Пританцовывая, мимо проходила девушка, державшая под руку своего спутника; она испуганно пискнула, отвела глаза, покраснела и прыснула от смеха.

Что-то было не так. И мужчин, и женщин очевидно удивляло и смущало его обнаженное тело. Навязчиво ускользающая мысль почти сформировалась у него в голове. Нужно было что-то сделать. Нарушение табу, провоцировавших столь интенсивную реакцию, грозило неприятными последствиями – это он уже понимал. У него не было одежды, ему следовало добыть одежду.

Кэйвершем присмотрелся к наблюдавшим за ним молодым людям; одни явно веселились, другие взирали на него с отвращением, третьи испытывали любопытство. Он обратился к одному из последних: «Где я мог бы найти какую-нибудь одежду?»

Юноша пожал плечами: «А где вы ее оставили?»

Под шатер зашли два тяжеловесных субъекта в темно-синей униформе; Артур Кэйвершем заметил их краем глаза – его умственные процессы лихорадочно ускорились.

Молодой человек, ответивший вопросом на вопрос, по всей видимости был типичным представителем окружающей публики. Какого рода просьба показалась бы ему осмысленной? Так же, как любого другого, его можно было побудить к действию, затронув правильно выбранную струну. Что заставило бы его оказать помощь?

Симпатия?

Угрозы?

Возможность извлечь преимущество или прибыль?

Кэйвершем отверг все эти допущения. Нарушив табу, он тем самым не мог претендовать на симпатию. Угроза не повлекла бы за собой ничего, кроме презрения, и он не мог предложить никакой прибыли и никакого преимущества. Стимуляция должна была быть не столь прямолинейной... Артуру пришло в голову, что молодые люди, как правило, объединялись под эгидой тайных сообществ. Такая тенденция почти неизбежно наблюдалась в рамках тысяч культур,

изучению каковых Кэйвершем посвятил немало времени. Притоны «только для своих», наркотические культы, преступные организации, общества сексуальной инициации – каковы бы ни были их наименования, всем этим явлениям были свойственны почти одинаковые внешние признаки: болезненный обряд посвящения, тайные знаки или пароли, единые для всех посвященных правила поведения, клятвенное обязательство служить интересам группы. Если молодой человек был членом такой ассоциации, он мог отреагировать на призыв к взаимопомощи в духе этой ассоциации.

«Я знаю, что нарушил табу – братство поставило меня в неудобное положение, – сказал Артур Кэйвершем. – Во имя братства, найдите мне какую-нибудь подходящую одежду!»

Молодой человек удивленно уставился на него, отступил на шаг: «Братство? Вы имеете в виду студенческое братство?» На него снизошло озарение: «Они решили подшутить над новичком?» Юноша расхохотался: «Если так, на этот раз они хватили через край!»

«Да, – подтвердил Артур Кэйвершем, – студенческое братство».

«Идите за мной, – молодой человек поманил его. – И поспешите – служители закона тут как тут. Пробежимся под каймой навеса. Я одолжу вам пальто – вернетесь домой, потом отдадите как-нибудь».

Двое в униформе потихоньку лавировали среди танцующих и уже приближались. Молодой человек приподнял нижний край шатра – Артур пригнулся и проскользнул наружу, его приятель последовал за ним. Гирлянды лампочек отбрасывали разноцветные мутные тени; они пробежали вдвоем к небольшой будке у входа в шатер, ярко размалеванной в красную и белую полосу.

«Прячьтесь здесь и не показывайтесь! – посоветовал молодой человек. – Я пойду возьму в гардеробе свое пальто».

«Превосходно!» – отозвался Кэйвершем.

Юноша колебался: «Вы из какого братства? Где вы учитесь?»

Кэйвершем отчаянно искал подходящий ответ. Память подсказывала ему единственный факт: «Я живу в Бостоне».

«То есть вы из Бостонского университета? Из Массачусетского технологического? Или из Гарварда?»

«Из Гарварда».

«А! – молодой человек кивнул. – Я сам не здешний, из Университета Вашингтона и Ли. Где клуб вашего братства?»

«Об этом нельзя говорить».

«О! – молодой человек был удивлен, но вполне удовлетворен таким ответом. – Что ж, подождите минутку...»

Бервальд Халфорн остановился, почти оцепенев от усталости и отчаяния. Несколько человек – все, что осталось от взвода – опустились на землю вокруг него; все они смотрели назад – туда, где ночной горизонт тлел и полыхал огненным заревом. Горели селения, пылали, как факелы, фермерские усадьбы с остроконечными деревянными крышами – бранды с горы Медальон упивались человеческой кровью.

Пульсирующая дробь далекого барабана коснулась кожи Бервальда – едва слышный, но заставляющий воздух вибрировать звук: «трррам-трррам-трррам»... Ближе послышался испуганный, хриплый человеческий крик, а вслед за ним – торжествующие нечеловеческие возгласы убийц. Бранды – высокие, черные – походили на людей, но не были людьми. Их глаза светились, как красные стеклянные лампы, у них были ярко-белые зубы, и сегодня ночью они, судя по всему, вознамерились истребить всех людей на планете.

«Ложись!» – прошипел Каноу, правый щитоносец. Бервальд пригнулся к земле. На фоне пылающего неба маршировала вперевалку колонна воинов-брандов – они явно ничего и никого не боялись.

Бервальд неожиданно произнес: «Нас тринадцать человек. Драться один на один с этими исчадиями ада бесполезно, их слишком много. Сегодня ночью они спустились с горы всем полчищем. Скорее всего, у них в улье почти никого не осталось. Что мы потеряем, если пойдем и спалим до тла улей брандов? Только свои жизни, а чего они теперь стоят?»

«Жизням нашим грош цена, – отозвался Каноу. – Пойдем, тут нечего ждать!»

«Пусть наша месть будет ужасна! – прорычал Броктан, левый щитonosец. – Пусть утром бранды найдут только белый пепел на месте родного улья...»

Впереди громоздилась гора Медальон; овальный улей ютился в долине Пангборн. В низовьях долины Бервальд разделил взвод на два отряда и назначил Каноу предводителем второго: «Будем подниматься украдкой в двадцати метрах друг от друга. Если кто-нибудь спугнет бранда, другие смогут напасть на дьявола сзади и прикончить его, пока он не начнет вопить на всю долину. Все понятно?»

«Понятно».

«Тогда вперед, к улью!»

В долине воняло чем-то вроде прокисшей сырой кожи. Со стороны улья доносилось приглушенное позвякивание. Мягкую почву покрывал ползучий мох: осторожные шаги не производили ни звука. Низко пригнувшись, Бервальд замечал силуэты своих бойцов на фоне неба – здесь небо было иссиня-черным с фиолетовой каймой. Гневное зарево горящей Эчевасы скрылось на юге, за отрогом горы.

Звук! Бервальд зашипел – бойцы замерли в ожидании. Приближались глухие тяжелые шаги – и тут же раздался яростный тревожный вопль.

«Убейте! Убейте эту тварь!» – заорал Бервальд.

Бранд размахивал дубиной, как косой – одним стремительным ударом он приподнял человека в воздух и, продолжая движение по инерции, пронес его по дуге вокруг себя. Бервальд подскочил ближе и рубанул саблей с размаха; он почувствовал, как разошлись под лезвием сухожилия, как хлынула горячая, пахучая кровь бранда.

Ритмичное позвякивание, доносившееся со стороны улья, прекратилось; в ночном воздухе разнеслись крики брандов.

«Вперед! – отдуваясь, приказал Бервальд. – Готовьте трут и кремни, поджигайте улей. Жгите их, жгите!»

Уже на скрываясь, он побежал вверх, к темневшему впереди куполу. Навстречу, пища и подвывая, высыпали бранды-недоросли, и с ними генетрисы – семиметровые чудовища, ползущие на четвереньках, кряхтящие и щелкающие зубами.

«Убивайте! – кричал Бервальд Халфорн. – Убивайте их! Жгите, жгите все вокруг!»

Бросившись к стене улья, Бервальд пригнулся, выбил искру на трут, раздул огонек. Тряпка, пропитанная селитрой, вспыхнула. Бервальд подбросил ее к основанию стены, добавил к огню соломы. Стена, сплетенная из тростника и вицы, задымилась и стала потрескивать.

Бервальд вскочил – на него налетела орда брандов-детенышей. Сабля поднималась и опускалась – неспособные противостоять его ярости, недоросли падали, разрубленные пополам. Втроем подползали, испуская отвратительную вонь и волоча по земле раздувшиеся животы, огромные генетрисы брандов.

«Гасите огонь! – вопила первая. – Гасите! Внутри Великая Мать – она обременена, она не может двигаться... Пожар! Горе, разрушение!» Генетрисы взвыли хором: «Где наши могучие воины? Где они?»

Послышалась дробь тугих кожаных барабанов: «тррамм-тррамм-тррамм»! Вверх по долине разносилось эхо хриплых голосов брандов.

Бервальд отступил от жаркого пламени. Подскочив к ползущей генетрисе, он отсек ей голову и отскочил назад... Где его люди? «Каноу! – позвал он. – Лайда! Тейят! Дьорг! Броктан!»

Вытянув шею, он заметил мерцание других огней. «Убивайте ползучих маток!» Подскочив к еще одной генетрисе, он стал рубить и резать: генетриса охнула, застонала и упала набок.

Голоса брандов приобрели тревожный оттенок; торжествующая барабанная дробь смолкла, ее сменила глухая дробь поспешно приближающихся шагов.

За спиной Бервальда улей горел, распространяя радующий сердце жар. Изнутри, из-под охваченного огнем купола, доносился пронзительный, причитающий вопль нестерпимой боли.

В отсветах пляшущего пламени он увидел наступающих воинов-брандов. Их глаза горели, как тлеющие угли, зубы сверкали, как белые искры. Они шли вперед, размахивая дубинами – и Бервальд схватил покрепче рукоять сабли. Он был слишком горд, чтобы бежать.

Приземлившись на аэродромных, Сейстан сидел несколько минут, разглядывая мертвый город Терлатч: стену из кирпича-сырца тридцатиметровой высоты, пыльный портал и остатки провалившихся крыш над парапетами. За городом – вблизи и вдали, до самого горизонта, где в розовых лучах солнц-близнецов, Мига и Пага, виднелась дымчатая гряда Альтилюнских гор – всюду простиралась пустыня.

Производя разведку с воздуха, он не заметил признаков жизни – и не ожидал их заметить, так как город был заброшен уже тысячу лет тому назад. Возможно, несколько песчаных аспидов грелись на раскаленной площади древнего базара; возможно, несколько леобаров притаились в трещинах полуразвалившейся кладки. Так или иначе, появление человека должно было стать полной неожиданностью для опустевших улиц вымершего города.

Спрыгнув с аэродромной, Сейстан направился к portalу, прошел под аркой и остановился, с любопытством глядя по сторонам. В лишенном влаги воздухе кирпичные здания могли простоять еще много тысяч лет. Ветер сгладил и закруглил углы, стекла лопнули от резких перепадов между дневной жарой и ночным холодом, в проходах накопились кучи песка.

От портала расходились три улицы; Сейстан не видел ничего, что позволило бы с уверенностью выбрать одну из них. Все улицы были пыльными и узкими, каждая поворачивала, скрываясь из виду уже в ста метрах от него.

Сейстан задумчиво погладил подбородок. Где-то в городе скрывался окованный бронзой сундук, содержащий пергамент с гербовой печатью – изображением короны и щита. Согласно традиции, этим документом был создан прецедент, освобождавший владельца феода от энергетического налога. Сеньор Сейстана, Глэй, сослался на этот пергамент в оправдание своей задолженности, но от него потребовали доказательств существования такого документа. Теперь Глэй томился в темнице, будучи задержан по обвинению в мятеже, и завтра утром его должны были приколотить гвоздями к днищу аэродромной и отправить дрейфовать по ветру на запад – если Сейстан не вернется с пергаментом.

Сейстан считал, что по прошествии тысячи лет оснований для оптимизма почти не оставалось. Тем не менее, лорд Глэй был справедливым человеком, и Сейстан намеревался не оставить камня на камне в поисках пергамента... Если сундук существовал, надо полагать, он хранился в городском Легалионе, в Мечети, в Зале Реликтов или, возможно, в Казначейской Палате. Все эти здания следовало обыскать, затрачивая не больше двух часов на каждое – пока не померкнет розовый свет солнц-близнецов.

Сейстан выбрал центральную улицу только потому, что она была посередине, и вскоре вышел на площадь, в конце которой возвышался Легалион – зал регистрации записей и актов. Перед фасадом этого сооружения Сейстан задержался: внутри ожидала угрожающая полутьма. Но ничто не нарушало тишину пыльного пространства, кроме вздохов и шепота сухого ветра. Сейстан вступил внутрь.

Огромный зал пустовал. Стены были разрисованы красными и синими фресками – краски остались свежими, как если бы художник закончил работу вчера. На каждой стене размещались по шесть изображений – в верхнем ряду демонстрировались различные преступления, а в нижнем – соответствующие наказания.

Сейстан прошел через зал в помещения, находившиеся дальше – и не нашел ничего, кроме пыли и воздуха, пахнувшего пылью. Он отважился спуститься в подземелье, едва освещенное узкими световыми колодцами. Там было много мусора и обломков, но окованного бронзой сундука не было.

Поднявшись, Сейстан вышел под открытое небо, пересек площадь и прошел под массивным архитравом в Мечеть. В пустом конфирматории Провозвестника было чисто – непрерывный сильный сквозняк, приносивший пыль и песок, тут же выметал их наружу. В низком потолке зияли тысячи отверстий – каждое соединяло конфирматорий с изолированной каменной ячейкой, что позволяло благочестивым прихожанам советоваться с проходившим внизу Провозвестником, не нарушая молитвенный покой других верующих. В центре павильона находился круглый колодец, закрытый толстым стеклянным диском. На дне колодца покоился окованный бронзой сундук. Окрыленный надеждой, Сейстан поспешно спустился по винтовой лестнице в подземное хранилище.

В сундуке, однако, оказались только драгоценности – тиара древней королевы, нагрудные веллопы Гонвандской гвардии, а также огромный шар, наполовину изумрудный, наполовину рубиновый – в древности его катали по площади, отмечая окончание года.

Сейстан оставил все эти вещи в сундуке. На планете мертвых городов такие реликвии не имели никакой ценности – тем более, что синтетические самоцветы были гораздо ярче и прозрачнее.

Покинув Мечеть, он взглянул на небо. Солнца-близнецы уже миновали зенит – два пылающих розовых шара заметно склонялись к западному горизонту. Сейстан колебался. Нахмурившись и часто моргая, он обозревал раскаленные кирпичные стены: вполне возможно, что и сундук, и пергамент – так же, как многое другое из того, что рассказывали о вымершем Терлатче – были не более чем выдумками создателей легенд.

По площади пронесся пыльный вихрь – Сейстан поперхнулся, прокашлялся и сплюнул; в иссохшем горле и на языке остался едкий привкус. В стене неподалеку темнела ниша древнего фонтана; Сейстан заглянул в нее с безнадежным вожелением, но на мертвых улицах испарилось даже воспоминание о воде.

Он снова прокашлялся и сплюнул, после чего направился в другой район города, к Залу Реликтов.

Пройдя между рядами квадратных столбов из кирпича-сырца, Сейстан углубился в просторный полутемный неф. Розовые лучи пробивались сквозь трещины и проломы крыши; он чувствовал себя, как мошка, потерявшаяся в лабиринте бликов и теней. Со всех сторон его окружали застекленные ниши, и в каждой хранился экспонат, некогда вызывавший почтение у предков: рыцарские латы, в которых Планж Предупрежденный повел в бой армию Голубых Вымпелов; венец Первородной Змеи; коллекция черепов древних падангов, подвенечное платье принцессы Термостералиам, сотканное из тонких, как паутина, нитей палладия – сверкающее новизной, как в тот день, когда она его надела; оригинальные Скрижали Законности; трон одной из первых династий, изготовленный из гигантской раковины; дюжина других реликвий. Но искомого сундука среди них не было.

Сейстан попытался найти возможный вход в подземелье – но, за исключением царапин, нанесенных залетевшим снаружи песком, в сплошном и гладком порфировом покрытии пола не было никаких прорезей или выступов, свидетельствовавших о существовании потайной лестницы.

И снова он побрел по вымершим улицам – теперь двойное солнце уже скрывалось за остатками крыш – на испещренные трещинами мостовые легли серо-малиновые тени.

Сейстан с трудом передвигал ноги, его иссохшее горло горело. Подавленный неудачей, он повернул в сторону Казначейской Палаты, поднимаясь по широким ступеням к цитадели. За сплошь покрытым патиной бронзовым портиком начинался вестибюль, расписанный кра-

сочными фресками, изображавшими дев древнего Терлатча, занятых работой и развлекавшихся играми – погруженных в печали и радости бытия. Стройные создания с коротко подстриженными черными волосами и кожей, блестящей подобно полированной слоновой кости, они казались изящными и нежными, как лепестки оазисных кувшинок, аппетитными, как спелые плоды аноны. Сейстан прошел по вестибюлю, то и дело поглядывая на фрески. «Как жаль, – думал он, – что эти прелестные существа давно превратились в пыль, скрипящую под ногами!»

В коридор, окружавший вестибюль по периметру, выходили двери множества помещений и апартаментов Казначейства. Сейстан шел по рассыпавшимся в прах обрывкам некогда чудесных ковров; на стенах местами еще висели такие же обрывки гобеленов, сотканых из тончайших волокон. Вход в каждую комнату был украшен портретом служительницы Казначейства, обозначенным символом порученных ей функций. Задерживаясь у каждого помещения, Сейстан заглядывал туда, производил быстрый осмотр и переходил к следующей комнате. Солнечные лучи, еще проникавшие сквозь трещины в стенах, служили напоминанием о наступлении вечера – с каждой минутой они тускнели и уже становились почти горизонтальными.

Раз за разом он переходил от одной комнаты к следующей. В некоторых помещениях он замечал сундуки, в других – алтари, ящики с манифестами, триптихи, купели. Но искомого сундука не было.

Впереди показался вестибюль – он возвращался туда, откуда пришел. Осталось осмотреть только три помещения; уже почти стемнело.

Сейстан подошел к следующему входу – кто-то завесил его новой шторой. Когда Сейстан отодвинул штору, перед ним открылся наружный дворик, озаренный длинными полыми лучами двух солнц. Из источника посреди двора по яблочно-зеленым нефритовым ступеням текла струйка воды, орошавшая сад – свежий, зеленый и сладостный, как сады далекого Севера. Встревоженная, навстречу с ложа приподнялась дева, такая же прелестная и пылкая, как те, что были изображены на фресках. У нее были коротко подстриженные темные волосы, ее чистое и деликатное лицо словно светилось, как большой белый цветок жасмина, украшавший ее волосы над ухом.

Несколько секунд Сейстан и дева молча смотрели друг другу в глаза, после чего испуг незнакомки, судя по всему, прошел – она смущенно улыбнулась.

«Кто ты? – изумленно спросил Сейстан. – Привидение? Или ты живешь здесь, среди развалин?»

«Я не привидение, – возразила дева. – Я родилась и выросла в оазисе Пальрам, но теперь для меня наступила пора уединения. Так полагается делать всем девушкам моего племени, желающим постигнуть Высшую Доктрину... Так что можешь ничего не опасаться – присядь со мной, отдохни, выпей фруктового вина и будь моим ночным компаньоном, потому что кончается последняя неделя моего уединения, и я устала от одиночества».

Сейстан сделал шаг вперед, но тут же остановился: «Я обязан выполнить свой долг. Я ищу окованный бронзой сундук, содержащий пергамент с гербовой печатью, изображающей корону и щит. Известен ли тебе такой пергамент?»

Дева покачала головой: «В Казначействе такого сундука нет». Она встала и потянулась, как сонный котенок, раскинув в стороны руки, словно сделанные из слоновой кости: «Оставь свои поиски и позволь мне освежить тебя».

Сейстан взглянул на нее, вспомнил о гаснущих солнечных лучах и обернулся – оставались непроверенными еще две комнаты, выходившие в коридор: «Прежде всего я обязан закончить поиски – таков мой вассальный долг перед лордом Глэем, которого пригвоздят к днищу аэродровней и отправят в последний полет на Запад, если я ему не помогу».

Дева капризно выпятила губы: «Ну и ступай, обыскивай пыльные склепы, даже не промочив горло. Ты ничего не найдешь – и, потому что ты такой упрямец, когда ты вернешься, меня здесь уже не будет».

«Значит, так тому и быть», – ответил Сейстан.

Он отвернулся и прошествовал обратно в коридор. В первой из двух оставшихся комнат было пусто, сухо и пыльно. Во второй, последней, в углу сидел человеческий скелет, едва заметный в тени, сгустившейся в сумерках – последние лучи солнц-близнецов уже почти померкли.

Здесь не было ни окованного бронзой сундука, ни пергамента. Значит, Глэю суждено было умереть; сердце Сейстана невольно сжалось.

Он вернулся на двор, где ему повстречалась дева, но она уже удалилась. Источник иссяк – на каменных ступенях остались только следы подсыхающей влаги. Сейстан позвал: «Дева, где ты? Вернись! Я выполнил долг...»

Ответа не было.

Сейстан пожал плечами и прошел через вестибюль на улицу, чтобы найти на ощупь обратный путь по вымершим темным улицам к порталу и своим аэродровням.

Добнор Даксат осознал, что к нему обращался высокий широкоплечий человек в расшитой узорами черной накидке. Окружающая обстановка казалась одновременно знакомой и странной; теперь Даксат осознал также, что высокий человек говорил снисходительным, высокомерным тоном: «Ты состязаешься с исключительно опасными соперниками. Меня удивляет твоя... как бы это выразиться... самонадеянность». Человек в черной накидке пристально разглядывал Даксата блестящими глазами.

Даксат посмотрел вниз и нахмурился, заметив свою одежду. На нем был длинный плащ из лиловато-черного вельвета, расширявшийся снизу. Пунцовые вельветовые панталоны, плотно облегавшие икры и бедра, были туго затянуты в поясе, а чуть выше щиколоток к панталонам были подвязаны зеленые матерчатые пуфы. Судя по всему, таков был подобающий ему костюм – он выглядел одновременно чужим и привычным; сходные ощущения вызывали резные золотые кастеты на пальцах обеих рук.

Высокий субъект в черной накидке продолжал говорить, глядя куда-то в пространство над головой Даксата – так, словно Даксат не существовал: «Чауктабу получал награды в качестве одного из лучших имажистов на протяжении многих лет. Бель-Вашаб стал победителем конкурса Корси всего лишь месяц тому назад. Тол Морабайт – общепризнанный мастер проекции воображения. Кроме того, сегодня выступят Гизель Ганг из Вест-Инда, не знающий равных в искусстве создания звездных фейерверков, и Пулакт Хавджорска, чемпион Островного царства. Существуют все основания сомневаться в том, что тебе – неопытному новичку, не располагающему фондом подготовленных образов – удастся не опозориться к стыду всех присутствующих».

Мозг Даксата все еще пытался справиться с первоначальным замешательством, в связи с чем явно презрительные высказывания широкоплечего субъекта не вызывали у него должного возмущения. Даксат спросил: «О чем вы говорите? Не совсем понимаю, какое именно положение я занимаю».

Человек в черной накидке вопросительно смерил его глазами: «Даже так? Только теперь ты признаешься, что тебя беспокоит возможность провала? Уверяю тебя, ты не зря беспокоишься, – вздохнув, широкоплечий субъект развел руками. – Что ж – молодые люди всегда бросаются в омут сломя голову. Может быть, ты сформировал образы, которые сочтут в чем-то заслуживающими внимания. Так или иначе, публика вряд ли заметит твоё выступление, будучи поглощена великолепными геометрическими композициями Чауктабы и звездными фейерверками Гизеля Ганга. По сути дела, с твоей стороны было бы разумно проецировать лишь небольшие, тусклые, ограниченные в своей посредственности образы... Рекомендую избегать напыщенных преувеличений и контрастных диссонансов – новички часто допускают такую

ошибку... А теперь настало время твоего выступления в Имажиконе. Выходи на арену. Помни: серые, коричневые, сиреневые тона – возможно, кое-какие охряные и рыжие оттенки; увидев такие сочетания цветов, зрители поймут, что ты еще учишься, набираешься опыта и не пытаешься всерьез соревноваться с мастерами. Сюда, следуй за мной...»

Он открыл дверь и провел Добнора Даксата вверх по лестнице. под бескрайнее ночное небо.

Они стояли на арене огромного стадиона, лицом к шести гигантским экранам пятнадцатиметровой высоты. У них за спиной, в темноте, ярус за ярусом поднимались скамьи, заполненные тысячами зрителей, совместно производившими шум, напоминавший звук движения колес по мягкому щебню. Даксат обернулся, чтобы взглянуть на них, но все их лица, все их индивидуальности сливались в одно целое.

«Вот, – сказал широкоплечий человек, – твой аппарат. Садись, я закреплю церетемпы».

Даксат терпеливо позволил усадить себя в массивное кресло, настолько мягкое и глубокое, что он погрузился в него, как в воду. На его голове, на шее и на переносице закрепили датчики. Он почувствовал острый укол, какое-то пульсирующее давление, а затем – теплую волну успокоения. Откуда-то издали слышался голос, разносившийся над всем стадионом, над всей толпой: «Две минуты до серого тумана! Две минуты до серого тумана! Внимание, имажисты! Две минуты до серого тумана!»

Широкоплечий человек наклонился над Даксатом: «Ты хорошо видишь?»

Даксат чуть приподнялся в кресле: «Да... я отчетливо все вижу».

«Ну и ладно! В момент проекции серого тумана загорится этот небольшой индикатор. Как только он засветится, твой сигнал начнет поступать на экран. Остальное зависит от твоего воображения – постарайся не оплошать!»

Далекий голос объявил: «Одна минута до серого тумана! Имажисты выступят в следующем порядке: Пулакт Хавджорска, Тол Морабайт, Гизель Ганг, Добнор Даксат, Чауктаба и Бель-Вашаб. Нет каких-либо ограничений – допускаются любые цвета и формы. Расслабьтесь, имажисты! Приготовьте извилины! А теперь – серый туман!»

На панели перед креслом Даксата загорелся индикатор – он увидел, что пять из шести гигантских экранов озарились приятным жемчужно-серым светом, чуть клубящимся, словно возбужденным, готовым вспыхнуть ярче. Только один экран оставался тусклым – тот, что находился прямо перед ним. Стоявший у него за спиной широкоплечий субъект наклонился и напомнил: «Серый туман, Даксат! Ты оглох или ослеп?»

Даксат вообразил серый туман, и в то же мгновение его экран ожил, озарившись чистым, прозрачным серебристо-серым сиянием.

«Хммф! – фыркнул у него за спиной высокий инструктор. – Однообразно, не слишком интересно – но сойдет и так, надо полагать... Смотри, на экране Чауктабы уже появились страстно дрожащие кольца, нетерпеливо ожидающие эмоционального взрыва!»

Взглянув на находящийся справа экран, Даксат увидел, что это действительно было так. Серый туман, без примесей других цветов, вращался спиральными вихрями и то затягивался пленкой, то вспыхивал ярче, словно подавляя грозивший прорваться поток спектральных красок.

Далеко слева, на экране Пулакты Хавджорски, появились цвета. Мастер-имажист начал с гамбита – скромного, сдержанного образа: зеленый самоцвет на черном фоне испускал дождь голубых и серебристых капель – капли исчезали, вспыхивая маленькими оранжевыми взрывами.

Изображение появилось на экране Тола Морабайта: черно-белая шахматная доска, некоторые квадраты которой внезапно загорались зеленым, красным, синим и желтым – теплыми пронзительными цветами, чистыми, как полосы радуги. Изображение исчезло, стертые сумятицей розовых и голубых огней.

Гизель Ганг создал дрожащий желтый круг и окружил его зеленым гало, которое, разрастаясь, в свою очередь породило более широкое, сверкающее черное и белое кольцо. В центре сформировался сложный калейдоскопический орнамент. Этот радиально-симметричный узор ослепительно вспыхнул и на мгновение сменился таким же узором, состоявшим из новых цветов. Прорумела волна аплодисментов – зрители приветствовали впечатляющий успех.

Индикатор на панели Даксата погас. Сзади послышалось напоминание: «Пора!»

Даксат смотрел на экран – в его уме не было никаких идей. Он сжал зубы. Что-нибудь! Что угодно! Воспоминание... Он представил себе вид на прибрежные луга у реки Мелрами.

«Гм! Приятная композиция, – сказал у него за спиной широкоплечий человек. – Удачная фантазия, довольно-таки оригинальная».

Даксат недоуменно изучал картину на экране. Насколько он понимал, это было вовсе не вдохновляющее воспроизведение хорошо известного ему ландшафта. Что от него ожидалось? Фантазия? Очень хорошо, он им покажет фантазию! Даксат представил себе, что луга засветились и расплавились, как нагретый до белого каления металл. Растительность и древние россыпи скал оседали и смешивались, становясь вязкой бурлящей поверхностью. Поверхность разгладилась и превратилась в зеркало, отражавшее Медные Утесы.

Высокий субъект за спиной хмыкнул: «Немного чересчур, я бы сказал – последнее превращение уничтожило первоначальный очаровательный эффект инопланетных оттенков и форм...»

Даксат нахмурился и снова «утонул» в глубоком кресле, нетерпеливо ожидая момента, когда должна была снова наступить его очередь.

Тем временем Чауктаба создал изящный белый цветок на зеленом стебле, с лиловыми тычинками. Лепестки завяли, а тычинки испустили облачка клубящейся желтой пыльцы.

Затем Бель-Вашаб, последний в очереди имажистов, раскрасил экран фосфоресцирующим зеленым фоном, напоминавшим о пронизанной солнечным светом толще морской воды. Фон колебался и вздувался, как потревоженный ветром занавес, и его поверхность загрязнило черное пятно неправильной формы. Из центра пятна стала вытекать ярко-золотая ветвящаяся струйка, вскоре покрывшая все пятно, как паутиной, сеткой золотистых нитей.

Таков был первый раунд.

На несколько секунд наступила пауза. «А теперь, – выдохнул голос за спиной Даксата, – соревнование начинается всерьез».

На экране Пулакта Хавджорски возникло возмущенное море оттенков: красные, зеленые и синие волны – неприятная для глаз пестрота. Драматический эффект: в нижнем правом углу загорелось желтое пятно, постепенно победившее хаос и заповолившее экран, центр которого стал лимонно-зеленым. Появилась черное пятно, разделилось пополам – половины быстро и беспрепятственно разошлись налево и направо, после чего черные половины стали «погружаться» в фон, изящно извиваясь и переплетаясь. В далекой перспективе они слились и стремительно, как брошенное копье, ворвались на первый план, разделились на множество черных стрел и образовали перекошенную решетку из тонких черных прутьев.

«Бесподобно! – восхищенно прошептал высокий инструктор. – Какая синхронизация, какая точность – идеальный контроль!»

Тол Морабайт ответил дымчатым коричневым полем, пронизанным алыми линиями и пятнами. Слева сформировалась вертикальная зеленая штриховка, постепенно распространявшаяся к правому краю экрана. Коричневый фон пробивался на первый план, проникая между зелеными струнами, надавил еще сильнее и развалился – обрывки полетели вперед, к зрителям, и покинули экран. На черном фоне за зелеными струнами, теперь поблекшими, возникло изображение розового, пульсирующего человеческого мозга. Мозг вырастил шесть членистых ножек и поспешно, бочком, как краб, убежал, уменьшаясь в перспективе.

Гизель Ганг устроил один из своих знаменитых взрывов-фейерверков: маленький голубой кружок разлетелся во все стороны лучами-сполохами, разветвлявшимися на концах чудесными узорами из пяти цветов – синего, фиолетового, белого, лилового и светло-зеленого.

Напряженно застывший, Добнор Даксат сидел, сжимая кулаки и скрежеща зубами. Пора! Неужели его мозг уступит воображению чужестранцев из далеких земель? Пора!

На экране появилось дерево – схематичное дерево из зеленых и голубых элементов, и каждый его лист стал язычком пламени. Струйки дыма, исходящие из этих огненных листьев, поднимались все выше и выше, образуя облако – набухавшую, полную внутренних вихрей тучу, обрушившую на дерево расширяющийся книзу поток дождя. Пожар листвы погас – вместо языков огня появились звездчатые белые цветы. Из тучи обрушилась молния, разбившая дерево на агонизирующие, дрожащие осколки стекла. Еще одна молния ударила в груды хрупких осколков, и экран расплескался огромным сгустком белых, оранжевых и черных брызг.

За спиной Даксата широкоплечий человек с сомнением произнес: «В целом неплохо, но не забывай о моем предупреждении – ограничивайся скромными изображениями, так как...»

«Молчать!» – жестко приказал Добнор Даксат.

Так продолжалось состязание – раунд вслед за раундом красочных представлений, порой сладостных, как канамельный мед, иногда бушующих, как полярные бури. Цвета соревновались с цветами, орнаменты изменялись и развивались, то достигая великолепных гармоничных кульминаций, то распадаясь едким диссонансом, необходимым в качестве логического заключения.

И Даксат создавал одну мечту за другой – его напряжение постепенно убывало, он забыл обо всем, кроме картин, быстро сменявшихся в воображении и на экране; картины эти становились не менее сложными и детальными, чем создания мастеров-соперников.

«Еще один, последний раунд», – пробормотал за спиной широкоплечий инструктор. Теперь имажисты извлекли из памяти свои лучшие композиции: Пулакт Хавджорска продемонстрировал рост и постепенное разрушение прекрасного города; Тол Морабайт – спокойное сочетание зеленых и белых форм, подвергнувшееся вторжению армии насекомых, оставивших за собой грязный след. Люди в раскрашенной кожаной броне и высоких колпаках, вооруженные короткими мечами и плетками, вступили в битву с насекомыми. Насекомые были уничтожены и изгнаны с экрана; мертвые воины превратились в белые скелеты, распавшиеся мерцающим голубым прахом. Гизель Ганг создал три одновременных фейерверка, разных и великолепно пересекающихся.

Даксат представил себе гладкий окатыш, увеличил его, превратил в мраморный блок и высек из мрамора голову прекрасной девы. Несколько секунд она смотрела на зрителей – на ее лице одна эмоция сменяла другую: радость, вызванная внезапным существованием, задумчивость и, в конце концов, испуг. Ее глаза стали мутно-голубыми, лицо исказилось и преобразовалось в язвительно смеющуюся маску с потемневшими щеками и презрительно кривящимся ртом. Маска наклонилась, плюнула в воздух и стала плоским отпечатком на черном фоне, а брызги слюны вспыхнули огнем, превращаясь в звезды и созвездия; но одна из звезд стала расти, и вскоре в ней можно было распознать планету с дорогими сердцу Даксата очертаниями континентов. Планета улетела в темноту так, словно ее кто-то отшвырнул, созвездия поблекли и погасли. Добнор Даксат расслабился. Это была последняя картина его воображения. Истощенный, он глубоко вздохнул.

Высокий человек в черной накидке без слов отсоединил контакты. Наконец он нарушил напряженное молчание: «Планета, которую ты показал в последней сцене – плод твоего воображения, или она на самом деле существует? В нашей системе нет такой планеты, но у меня возникло впечатление, что ты ее не придумал».

Добнор Даксат уставился на него с недоумением и спросил, с трудом находя слова: «Разве я не на этой планете? Этот мир – моя родная планета!»

Высокий широкоплечий человек бросил на Даксата странный взгляд, пожал плечами и отвернулся: «Через несколько минут объявят победителя. Ему вручат награду – грамоту в оправе, инкрустированной драгоценными камнями».

В пасмурный ветреный день приземистая черная галера спешила по беспокойному морю, движимая гребцами из Белаклоу. Эрган стоял на корме, глядя на неугомонные серые волны и на темнеющее в трех километрах побережье Раккланда, где, как ему было хорошо известно, на приморских возвышенностях стояли и наблюдали за галерой бдительные узкоголовые ракки.

Метрах в пятистах за кормой из моря вырвался фонтан воды.

Повернувшись к кормчему, Эрган сказал: «Их снаряды летят дальше, чем мы предполагали. Лучше удалиться от берега еще километра на полтора, даже если там сильнее встречное течение».

Пока он говорил, послышался громкий свист – Эрган успел заметить остроконечный черный снаряд, устремившийся сверху прямо к нему. Снаряд ударил в среднюю часть корпуса галеры и взорвался. Расщепленные доски, тела гребцов, куски металла разлетелись во все стороны. Переломившись пополам, галера задрала нос и корму к небу и затонула.

Эрган успел спрыгнуть в море. Избавившись от меча, каски и наколенников сразу после погружения в холодные серые воды, он задыхался в шоке и плавал кругами – голова его то поднималась, то опускалась на частых волнах, как буюк. Заметив неподалеку длинное бревно, он вцепился в него обеими руками.

От берега Раккланда отчалил баркас; он приближался, вспенивая воду носом, вздымавшимся и опускавшимся поперек волн. Эрган отпустил бревно и поплыл как можно быстрее в сторону от обломков галеры. Лучше было утонуть, чем быть захваченным в плен. Легче и быстрее было умереть в зубах голодных ихтиоглофов, кишащих в этих водах, чем в руках безжалостных ракков.

Он плыл наугад, но течение несло его к берегу и, в конце концов, выбросило его, бессильного и замерзшего, на галечный пляж.

Здесь его нашла шайка молодых ракков; подхватив Эргана под руки, они отвели его в командный пункт. Там его связали, бросили на телегу и отвезли в город Корсапан.

Его усадили на стул в камере с серыми стенами, напротив офицера разведывательной службы – тайной полиции ракков – человека с серой, как у жабы, кожей, влажным серым ртом и пытливыми глазами.

«Тебя зовут Эрган, – сказал офицер. – Ты – посланник Шкипера из Саломдека. Какое задание ты выполнял?»

Эрган смотрел противнику в глаза, надеясь найти какой-нибудь удачный и убедительный ответ, но не нашел его. Если бы он сказал правду, и Белаклоу, и Саломдек немедленно подверглись бы вторжению узкоголовых солдат-ракков в черных униформах и черных сапогах.

Поэтому Эрган ничего не ответил. Офицер наклонился к нему: «Я спрошу еще раз, после чего, если ты снова промолчишь, тебя отведут в подземную камеру». Он произнес слова «подземная камера» так многозначительно, словно они начинались с заглавных букв – и произнес их мягко, удовлетворенно, даже с облегчением.

Покрывшись холодным потом – ибо он знал, какие пытки ему угрожали – Эрган сказал: «Я не Эрган. Меня зовут Эрвард. Я – торговец жемчугом, больше ни в чем я не разбираюсь».

«Неправда! – возразил ракк. – Твоего адъютанта схватили; под пыткой водяным насосом он выдал твоё имя прежде, чем у него отказали легкие».

«Я – Эрвард!» – упорствовал Эрган, хотя у него все похолодело в животе.

Офицер подал знак: «Отведите его в подземную камеру».

Человеческий организм, в котором нервы выполняют функцию системы сигнализации, предупреждающей об опасности, как будто нарочно предназначен испытывать боль и поэтому весьма охотно сотрудничает с мучителем-палачом. Эти характеристики организма были хорошо изучены специалистами-ракками; кроме того, по ходу дела они обнаружили и другие возможности нервной системы человека. Оказалось, что применение, в определенной последовательности, сжатия, нагрева, растяжения, трения, скручивания, вибрации, встряхивания, звукового и визуального шоков, а также воздействия паразитов, вони и других вызывающих сильное отвращение ощущений приводило к желаемому кумулятивному эффекту, тогда как чрезмерная эксплуатация лишь одного из этих методов вызывала притупление стимулов – десенсибилизацию.

Все эти знания, весь этот накопленный с годами опыт обрушились на защитную нервную систему Эргана, причиняя ему разнообразный спектр самых неприятных ощущений: резкую «стреляющую» боль в сухожилиях и мышцах, тупую продолжительную боль в суставах, скрипевших и стонавших по ночам, пламенные вспышки боли, оскорбления омерзительной грязью и развратным насилием; все это иногда сменялось теплым, дружественным общением в периоды отдохновения, когда ему позволяли взглянуть на покинутый им мир. После чего его снова вели в подземную камеру.

Но Эрган неизменно отвечал: «Я – Эрвард, торговец жемчугом!» При этом он все время пытался заставить свой ум преодолеть барьер физического сопротивления тела и отдаться желанной смерти, но каждый раз его ум колебался, не решаясь сделать последний шаг, и Эрган продолжал жить.

Ракки пытали заключенных регулярно, по расписанию, в связи с чем само ожидание начала пытки причиняло не меньшие мучения, чем пытка как таковая. В назначенный час за дверью камеры раздавались тяжелые неспешные шаги; узник предпринимал слабые лихорадочные попытки ускользнуть от рук тюремщиков; те бессердечно смеялись, загоняя его в угол и вынося его из камеры – и так же бессердечно смеялись через три часа, когда его, всхлипывающего и неразборчиво причитающего, бросали обратно на соломенную циновку, служившую постелью.

«Я – Эрвард! – повторял Эрган, заставляя мозг поверить в то, что это правда, чтобы его не могли застать врасплох. – Я – Эрвард! Я – Эрвард, торговец жемчугом!»

Он пытался задушить себя, заталкивая в горло солому, на бдительный раб всегда следил за ним, и такие попытки пресекались.

Эрган пытался умереть, заставляя себя не дышать – и был бы счастлив, если бы ему это удалось – но каждый раз погружался в блаженное бесчувствие, мозг расслаблялся, двигательные нервы возбуждали инстинктивную деятельность легких – он снова начинал дышать.

Он ничего не ел, но это ничуть не смущало раков: они впрыскивали в него достаточные дозы питательных веществ, тонизирующих наркотиков и стимулянтов, чтобы он постоянно находился в сознании и не терял чувствительность.

«Я – Эрвард!» – повторял Эрган, и раки раздраженно сжимали зубы. Его случай начинал представлять собой проблему; он успешно сопротивлялся мучениям, и раки долго размышляли над тем, как можно было бы усовершенствовать пытки, сделать их более утонченными, придать новые формы чугунным инструментам, подвешивать узника на других веревках и цепях, находить новые точки растяжения и сжатия. Даже когда выяснение его настоящего имени перестало иметь какое-либо значение, так как уже бушевала война, его продолжали содержать в подземелье, потому что он представлял собой нерешенную задачу, потому что он стал идеальным подопытным организмом. Его непрерывно охраняли, его жизнедеятельность поддерживали с особой тщательностью, пока палачи придумывали новые методы, внося изменения, дополнения и улучшения.

А затем наступил день, когда с галер из Белаклоу высадили десант, и солдаты с перьями на шлемах пробились с боем через стены Корсапана.

Ракки с сожалением смотрели на Эргана: «Нам пора уходить – а ты все еще не сдался».

«Я – Эрвард! – прохрипело существо, лежавшее на пыточном столе. – Эрвард, торговец».

Наверху, над потолком камеры, послышался треск взломанной двери.

«Нам пора уходить, – повторили палачи. – Ваша армия ворвалась в город. Если ты скажешь правду, мы сохраним тебе жизнь. Если ты опять солжешь, мы тебя убьем. Выбирай. Жизнь за правду».

«Сказать вам правду? – пробормотал Эрган. – Но вы все равно обманете...» И тут он услышал голоса солдат из Белаклоу, поющих победный гимн. Эрган встрепенулся: «Хотите знать правду? Почему нет? Так и быть...» Немного помолчав, он сказал: «Я – Эрвард!» Он уже давно верил, что это правда.

Первоизбранником Галактики был худощавый человек с объемистым куполообразным черепом, покрытым редкими рыжевато-коричневыми волосами. Лицу его, в других отношениях ничем не примечательному, придавали властный характер большие темные глаза, мерцавшие, как проблески огня за пеленой дыма. Возраст сказывался на его внешности: тощие руки и ноги казались разболтанными в суставах. Голова его наклонилась вперед, словно ее обременяли находящиеся внутри хитроумные механизмы.

Поднявшись с кушетки, он бледно улыбнулся и взглянул туда, где с другой стороны сводчатой галереи собрались одиннадцать Старейшин. Они сидели за столом из полированного дерева, спиной к стене, увитой гирляндами виноградных лоз. Серьезные и почтенные люди, они двигались медленно, на их морщинистых пронизательных лицах отражалась накопленная с годами мудрость. Согласно установившейся системе, Первоизбранник был исполнительным руководителем Галактики, а Старейшины составляли совещательный орган, наделенный определенными полномочиями, ограничивавшими власть руководителя.

«И что же?» – спросил Первоизбранник.

Главный Старейшина, смотревший на экран компьютера, неспешно поднял глаза: «Вы первый встали с ложа».

Все еще слегка улыбаясь, Первоизбранник взглянул по сторонам, вдоль сводчатой галереи. Другие лежали в различных позах: одни со сжатыми кулаками, напряженно застывшие; иные свернулись в «эмбриональные» калачики. Один наполовину сполз с кушетки на пол – его широко открытые глаза неподвижно смотрели вдаль.

Первоизбранник повернулся к Главному Старейшине – тот наблюдал за ним с отстраненным любопытством: «Оптимум уже рассчитан?»

Главный Старейшина взглянул на экран: «Оптимальный счет – двадцать шесть тридцать семь».

Первоизбранник ждал, но Главный Старейшина больше ничего не сказал. Первоизбранник подошел к алебастровой балюстраде, ограждавшей ряд кушеток, наклонился над ней и взглянул на открывшуюся панораму – километры за километрами солнечной дымки; где-то вдали блесло море. Легкий бриз дунул ему в лицо, взметнув пряди рыжеватых волос у него на голове. Глубоко вздохнув, он потянулся, расправляя руки и пальцы – память о пытках в подземелье раков все еще сковывала рефлексy. Через несколько секунд он развернулся на каблуках, прислонился спиной к балюстраде, опираясь на нее локтями, и снова взглянул на ряд кушеток: ни один из кандидатов еще не подавал признаков жизни.

«Двадцать шесть тридцать семь, – пробормотал он. – Думаю, что мой счет составит примерно двадцать пять девяносто. Насколько я помню, в последнем эпизоде я не сумел полностью сохранить целостность личности».

«Двадцать пять семьдесят четыре, – отозвался Главный Старейшина. – Компьютер решил, что последний вызов, брошенный воинам-брандам Бервальдом Халфорном, был невыгоден».

Первоизбранник задумался: «Правильный вывод. Упрямство не выполняет никакой полезной роли, если оно не способствует достижению предварительно поставленной цели. Мне следует учитывать этот недостаток и сдерживаться». Он переводил взгляд с одного Старейшины на другого: «Вы необычно молчаливы и не делаете никаких заявлений».

Он ждал; Главный Старейшина не ответил.

«Могу ли я поинтересоваться: какова наивысшая достигнутая оценка?»

«Двадцать пять семьдесят четыре».

Первоизбранник кивнул: «Мой счет».

«Вы получили наивысшую оценку», – подтвердил Главный Старейшина.

Улыбка сползла с лица Первоизбранника, он удивленно поднял брови: «Несмотря на это, вы все еще не желаете подтвердить мое переизбрание на второй срок – вы все еще в чем-то сомневаетесь».

«Да, у нас есть сомнения и опасения», – ответил Главный Старейшина.

Уголки губ Первоизбранника опустились, хотя брови все еще были приподняты – вопросительно и вежливо: «Ваш подход приводит меня в замешательство. Я продемонстрировал самоотверженное служение общему делу. Мои умственные способности феноменальны, а в ходе последнего испытания, которое я задумал для того, чтобы рассеять последние оставшиеся сомнения, я получил наивысшую оценку. Я доказал наличие у меня достаточного воображения, социальной интуиции, умения приспосабливаться к обстоятельствам и навыков руководства, мою приверженность выполнению долга, мою способность принимать трудные решения. В каждом сопоставимом отношении подтвердился тот факт, что моя квалификация наилучшим образом соответствует занимаемой мной должности».

Главный Старейшина обменялся взглядами с коллегами. Никто не проявил желания что-либо сказать. Главный Старейшина расправил плечи и откинулся на спинку стула: «Наш подход трудно объяснить. Все соответствует вашим утверждениям. Ваши умственные способности неоспоримы, у вас образцовый характер, вы усердно, с честью выполняли свои обязанности на протяжении всего срока. Вы заслужили наши уважение, восхищение и благодарность. Мы понимаем также, что вы надеетесь на переизбрание, исходя из самых похвальных побуждений: вы рассматриваете себя как человека, наиболее способного координировать сложнейшие галактические взаимодействия».

Первоизбранник мрачно кивнул: «Но вы так не считаете».

«Нашу позицию, пожалуй, нельзя выразить настолько прямолинейно».

«В чем именно заключается ваша позиция? – Первоизбранник указал широким жестом руки на ряды кушеток. – Посмотрите на этих людей! Это лучшие из лучших во всей Галактике. Один из них умер. Другой, шевелящийся в бреду на третьей от меня кушетке, сошел с ума – безнадежный случай. Другие находятся в глубоком потрясении, в шоке. И не забывайте о том, что испытание было специально спроектировано с тем, чтобы измерить качества, имеющие самое существенное значение в роли Галактического Первоизбранника».

«Испытание вызвало у нас большой интерес, – мягко отозвался Главный Старейшина. – Оно во многом повлияло на наш образ мышления».

Первоизбранник колебался, пытаясь определить подспудное значение этих слов. Он прошел вперед и сел за стол напротив Старейшин. Прищурившись, он изучал лица одиннадцати человек, постучал два-три раза кончиками пальцев по полированному дереву, откинулся на спинку стула:

«Как я уже упомянул, испытание позволило оценить те качества кандидатов, которые необходимы для оптимального выполнения обязанностей Первоизбранника, следующим обра-

зом. Земля двадцатого века была планетой, где господствовали изощренные общественные условности; на Земле от кандидата, Артура Кэйвершема, требовалась чуткая социальная интуиция – характеристика, чрезвычайно важная в Галактике, состоящей из миллиардов солнц. На планете Белотси Бервальд Халфорн проходил испытание на мужество и способность принимать положительные результативные решения. В мертвом городе Терлатче на Третьей планете Презепа оценивалась приверженность кандидата, Сейстана, своему долгу, а Добнор Даксат, в Имажиконе на Стаффе, должен был продемонстрировать концентрацию творческого воображения, состязаясь с противниками, непревзойденными в этом искусстве. Наконец, сила воли Эргана, его устойчивость под пытками и готовность к самопожертвованию подвергались предельному испытанию на Чанкозаре.

Каждый кандидат находился в идентичных условиях, синтезированных благодаря сочетанию темпоральных, пространственных и нейрофизиологических эффектов, слишком сложных для того, чтобы их было бы целесообразно обсуждать в данный момент. Достаточно сказать, что характеристики каждого кандидата можно объективно оценить на основе достигнутых им результатов, и что эти результаты вполне сопоставимы».

Первоизбранник помолчал, проницательно изучая лица одиннадцати Старейшин: «Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на то, что я сам спроектировал испытание и подготовил его проведение, тем самым я не приобрел никаких преимуществ. Мнемонические синапсы полностью нейтрализуются при переходе от одного эпизода к другому – остаются неизменными лишь основные характеристики личности кандидата. Все кандидаты проходили испытание в одних и тех же обстоятельствах. На мой взгляд оценки, выставленные компьютером, объективны и служат надежными показателями способности кандидата занять в высшей степени ответственную должность исполнительного руководителя Галактики».

Главный Старейшина сказал: «Выставленные оценки действительно имеют большое значение».

«Значит, вы утверждаете мою кандидатуру?»

Главный Старейшина улыбнулся: «Не спешите. Невозможно не признать, что вы – умный человек. Невозможно не отметить ваши достижения в качестве Первоизбранника. Но многое еще не сделано».

«Вы хотите сказать, что другой человек добился бы большего?»

Главный Старейшина пожал плечами: «Нет никакого способа узнать, так ли это. Я упомянул о ваших достижениях, в числе которых можно назвать цивилизацию Гленарта, Эпоху Рассвета на Масилисе, правление короля Карала на Аэвире и подавление мятежа на Аркиде. Наблюдались, однако, и промахи: тоталитарные правительства на Земле, а также кровавые столкновения на Белотси и Чанкозаре, так выпукло инсценированные в ходе вашего испытания. Кроме того, невозможно не отметить декаданс на планетах звездного скопления 1109, приход к власти жрецов-королей на Фиире и многое другое».

Первоизбранник поджал губы – искры в глубине его глаз разгорелись ярче.

Главный Старейшина продолжал: «Одно из наиболее достопримечательных явлений в Галактике заключается в тенденции человечества поглощать и проявлять личные характеристики Первоизбранника. Судя по всему, имеет место повсеместный резонанс, внушаемый идеями и решениями Первоизбранника человеческим умам и распространяющийся из центра Галактики до ее окраин. Этот процесс необходимо изучить, проанализировать и контролировать. Его конечный результат выглядит так, как если бы каждая мысль Первоизбранника усиливалась в миллиарды раз, как если бы каждое его настроение определяло характер развития тысяч цивилизаций, как если бы каждая характеристика его личности отражалась в системах ценностей тысяч культур».

Первоизбранник произнес, невыразительно и бесстрастно: «Этот феномен не ускользнул от моего внимания, я посвятил ему немало размышлений. Решения Первоизбранника внедря-

ются в жизнь таким образом, чтобы они оказывали скорее подспудное, нежели открытое влияние – возможно, в этом и состоит сущность проблемы. Так или иначе, учитывая масштабы такого влияния, тем больше оснований назначить на должность исполнительного руководителя человека, уже доказавшего на практике свои способности и добродетели».

«Убедительный аргумент, – согласился Главный Старейшина. – Ваш характер действительно безупречен. Тем не менее, Совет Старейшин обеспокоен возникновением авторитарных форм правления на многих планетах Галактики. Мы подозреваем, что оно объясняется упомянутым процессом резонанса. Вы – человек сильной, неукротимой воли, и мы считаем, что влияние вашей личности непреднамеренно способствовало взрывообразному распространению самодержавия».

Некоторое время Первоизбранник молчал. Он обернулся, глядя на ряд кушеток – другие кандидаты уже приходили в сознание. Их расовый состав был разнообразен: среди них были бледный северянин с Паласта, кряжистый рыжий уроженец Хаволо, седоволосый сероглазый островитянин с Морской Планеты – достойные и выдающиеся представители своих миров. Пришедшие в себя кандидаты молча сидели, собираясь с мыслями, или все еще лежали на кушетках, пытаясь избавиться от воспоминаний об испытании. Не обошлось без жертв: один из кандидатов умер; другой, уже ничего не соображавший, скорчился на полу рядом с кушеткой.

Главный Старейшина сказал: «Неприемлемые черты вашего характера ярче всего отразились, пожалуй, в характере предложенного вами испытания».

Первоизбранник открыл было рот, но Главный Старейшина поднял руку: «Позвольте мне закончить. Я сделаю все возможное для того, чтобы поступить с вами справедливо. Когда я скажу все, что хочу сказать, вы можете выступить с любыми возражениями.

Повторяю: основные тенденции вашего характера проявились в деталях спроектированного вами испытания. Оценивались качества, которые вы считаете важнейшими, то есть идеалы, достижению которых вы посвятили всю жизнь. Насколько я понимаю, вы сделали такой выбор вполне бессознательно, тем самым откровенно раскрывая свои побуждения. Вы считаете самыми существенными характеристиками Первоизбранника социальную интуицию, агрессивность, верность долгу, творческое воображение и несокрушимую настойчивость. Человек сильной воли, вы стремитесь демонстрировать эти идеалы на собственном примере – в связи с чем неудивительно, что система, откалиброванная вами на основе ваших предпочтений, выставила вам наивысшую оценку в ходе спроектированного вами испытания.

Позвольте мне разъяснить это наблюдение с помощью аналогии. Если бы орел проводил испытание, чтобы определить лучшего кандидата на звание Царя Зверей, он оценивал бы способность всех кандидатов летать – и поэтому неизбежно победил бы в состязании. Таким же образом, крот рассматривал бы способность рыть землю как одно из важнейших качеств, и откалиброванная им компьютерная программа, конечно же, объявила бы крота Царем Зверей».

Первоизбранник сухо рассмеялся и пригладил ладонью редкие рыжевато-коричневые пряди на голове: «Я не орел и не крот».

Главный Старейшина покачал головой: «Нет. Вы – целеустремленный, верный своему долгу, неукротимый человек с богатым воображением – что вы и продемонстрировали не столько потому, что получили высокие оценки, сколько потому, что вы спроектировали испытания так, чтобы оценивались именно эти присущие вам качества. С другой стороны, отсутствие в вашем испытании эпизодов, позволяющих оценить другие качества, свидетельствует о конкретных недостатках вашего характера».

«И чего мне недостает?»

«Симпатии. Сострадания. Доброты». Главный Старейшина выпрямился на стуле: «Странно! Один из ваших предшественников, пред-предпоследний Первоизбранник, в изоби-

лии демонстрировал эти стороны характера. На протяжении его срока правления по всей Галактике распространились общественные системы, основанные на идеях гуманизма, человеческого братства. Еще один пример резонанса – но я отвлекся».

Губы Первоизбранника язвительно покривились: «Могу ли я полюбопытствовать: удалось ли вам назначить следующего Галактического Первоизбранника?»

Главный Старейшина кивнул: «Сделан окончательный выбор».

«И какую оценку этот человек получил в ходе испытания?»

«По вашей системе измерения – семнадцать восемьдесят. В роли Артура Кэйвершема он сплеховал, пытаясь объяснить полисмену преимущества нудизма. Он не смог придумать какую-нибудь уловку и ускользнуть от стражей правопорядка, ему не хватило вашей способности быстро ориентироваться в незнакомой ситуации. Обнаружив себя в чем мать родила, этот искренний и простодушный человек попробовал обосновать положительные стороны отказа от ношения традиционной одежды вместо того, чтобы найти способ избежать наказания».

«Расскажите мне еще об этом человеке», – сухо произнес Первоизбранник.

«Будучи Бervальдом Халфорном, он повел взвод вверх по долине к улью брендов на склоне горы Медальон. Но вместо того, чтобы поджечь улей, он обратился к Великой Матери брендов, умоляя ее положить конец бесполезному кровопролитию. Она дотянулась до него, высунув голову через входное отверстие, затащила его внутрь и убила его. Он потерпел неудачу – хотя компьютер довольно высоко оценил его прямолинейный подход.

В Терлатче он вел себя так же безупречно, как вы, а его выступление в Имажиконе оказалось достаточно успешным. Ваши блестящие композиции не уступили произведениям мастеров-имажистов, что само по себе, конечно, выдающееся достижение.

Пытки в подземелье раков – самое тяжелое из предусмотренных вами испытаний. Вы знали, что можете бесконечно выдерживать боль; поэтому, с вашей точки зрения, все остальные кандидаты должны были обладать такой же способностью. К сожалению, новый Первоизбранник решительно уступает вам в этом отношении. Он – чувствительный человек, и сама идея намеренного причинения боли одним человеком другому для него тошнотворна. Следует отметить, что в последнем эпизоде ни один из соперников вас не превзошел, хотя двое сравнялись с вами...»

Первоизбранник проявил живой интерес: «Кто именно?»

Главный Старейшина указал на высокого мускулистого человека с лицом, словно высеченным из камня, стоявшего у алебастровой балюстрады и задумчиво глядевшего в солнечные дали, а также человека средних лет, сидевшего, подложив ноги под себя и уставившись в точку, находившуюся в воздухе прямо перед ним, с выражением невозмутимого спокойствия.

«Первый – упрямый и закаленный человек, – сказал Главный Старейшина. – Он не промолвил под пытками ни слова. Другой полностью отрешается от действительности, как только испытывает неприятные ощущения. Прочие кандидаты прошли испытание не столь успешно; в преобладающем большинстве случаев потребуются церебральная коррекция и психотерапия».

Собеседники обратили внимание на безмозглого идиота с блуждающими пустыми глазами, бродившего туда-сюда мимо кушеток и что-то тихо бормотавшего себе под нос.

«Испытания, однако, послужили источником ценной информации, – продолжал Главный Старейшина. – Нам многое удалось узнать. Согласно предусмотренным вами параметрам, вы получили наивысшую оценку. Согласно другим показателям, предложенным Старейшинами, вы не смогли занять первое место».

Напряженно, почти не открывая рот, Первоизбранник спросил: «И кто же он, награжденный вами образец альтруизма, доброты, симпатии и щедрости?»

Бродивший вокруг лунатик подошел ближе, упал на четвереньки, подполз, хныкая, к стене и прижался щекой к прохладному камню, бессмысленно глядя на Первоизбранника.

Его челюсть отвисла, слюни сочились на подбородок, глаза разошлись и, судя по всему, двигались независимо один от другого.

Главный Старейшина сочувственно улыбнулся, протянул руку и погладил идиота по голове: «Вот он. Мы выбрали этого».

Бывший Галактический Первоизбранник сидел, поджав губы и не говоря ни слова; его глаза горели, как сполохи извержений далеких вулканов.

У его ног новый Первоизбранник, повелитель миллиардов солнц, нашел опавший лист, засунул его в рот и принялся жевать.

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

Возвращение людей

Реликт украдкой спускался со скалы – неуклюжее исхудалое существо с глазами замученной жертвы. Он двигался короткими перебежками, скрываясь за пропластками темного воздуха – едва поспевая за каждой проплывающей мимо тенью, время от времени он опускался на четвереньки и прижимался к земле. Достигнув последнего, самого низкого каменного уступа, он остановился и выглянул на равнину.

Вдали виднелись пологие холмы, сливавшиеся с небом, пятнистым и желтоватым, как мутное стекло с остатками скисшего молока. Перед холмами простиралась долина, черно-зеленая и сморщенная – старый рваный бархат, пересеченный полосами охряного и ржавого оттенков. Высоко в небо била струя жидкого камня, ветвящаяся черным кораллом. Неподалеку целеустремленно эволюционировала группа серых объектов: сферы размягчались, превращаясь в пирамиды, затем в купола, в пучки белых шпилей, в протыкающие небо столбы и, наконец, словно последним усилием воли, в тессеракты.

Реликта все это ничуть не интересовало; он голодал, а на равнине была растительная пища. В отсутствие чего-либо лучшего она могла его насытить. Пища росла на земле, хотя иногда ее можно было найти на поверхности плывущей по воздуху бесформенной глыбы воды или вокруг сердцевины жесткого темного газового сгустка. На равнине встречались влажные ползучие черные листья, пучки поседевшего терновника, бледно-зеленые клубни, стебли с искаженными цветами. Реликт не умел распознавать часто изменяющиеся разновидности, у него не было даже возможности знать, отравят ли его сегодня те листья и побеги, которые он ел вчера.

Он нащупал ступней поверхность равнины. Стекловидный грунт (в то же время напоминавший ковер из красных и серо-зеленых пирамидок) выдержал его вес, но затем внезапно всосал его ногу. Реликт лихорадочно высвободил конечность, отскочив на каменный уступ, и присел на корточки – по меньшей мере, скала все еще казалась сплошной и надежной.

У него бурчало в животе. Ему срочно нужно было что-то съесть. Глядя на равнину, он напряженно размышлял. Неподалеку играли друг с другом два Организма: скользили и ныряли, танцевали и принимали горделиво-карикатурные позы. Если бы они оказались поближе, Реликт мог бы попытаться убить одного из них. Организмы напоминали людей – следовательно, скорее всего, должны были быть достаточно питательными.

Реликт ждал. Сколько времени прошло? Много или мало? Так или иначе, течение времени перестало быть количественной или качественной реальностью. Солнце исчезло, в мире больше не было стандартных циклов или регулярно возобновляющихся явлений. Само слово «время» потеряло всякий смысл.

Когда-то все было по-другому. Реликт сохранил несколько разрозненных воспоминаний о прежней эпохе, существовавшей до тех пор, пока не разрушилась логическая последовательность событий, пока не наступил хаос. Человек преобладал на Земле благодаря одному-единственному убеждению: допущению того, что причинно-следственную связь почти всегда можно было установить, и что даже причина, как правило, была следствием предшествующей причины.

Манипуляция этой фундаментальной закономерностью приносила щедрые плоды; казалось, в мире не было необходимости в другом инструменте или средстве. Люди гордились своей способностью приспосабливаться, отсутствием видовой специализации. Человек мог жить в пустыне, в полях, на льду, в лесу или в городе – природа не предназначила его к каким-либо особым условиям существования.

Человек не подозревал о своей уязвимости. Логика была особым условием его существования, мозг был его специализированным инструментом.

И настал ужасный час, когда Земля погрузилась в космический провал отсутствия причинных связей – все рациональные сопряжения явлений исчезли. Специализированный инструмент человека стал бесполезным, не находил опоры в действительности. Из миллиардов людей, населявших Землю, выжили несколько человек – безумцы. Теперь они стали Организмами, повелителями новой эры, ибо случайные блуждания их мыслительных процессов соответствовали непоследовательности бытия и, таким образом, представляли собой своего рода мудрость. Или, возможно, неорганизованная хаотическая материя мироздания, освободившаяся от прежних связей и структур, отличалась особой чувствительностью к психокинезу сумасшедших.

Продолжали существовать и другие – Реликты, но их становилось все меньше. Им удалось выжить лишь благодаря особому, маловероятному стечению обстоятельств – древние причинно-следственные связи проявлялись в них настолько устойчиво, что Реликты способны были контролировать обмен веществ в собственных телах – но этим их приспособляемость ограничивалась. Реликты быстро вымирали, так как в новых условиях разум не давал никаких преимуществ. То и дело мозг очередного Реликта отказывался воспринимать действительность и выходил из строя: такой Реликт раздражался безумными воплями и скачками убежал вдале.

Организмы наблюдали за происходящим без любопытства и без удивления – как что-нибудь могло их удивить? Порой обезумевший Реликт задерживался рядом с Организмом и пытался подражать его способу существования. Организм поедал пучок листьев; Реликт делал то же самое. Организм натирал ступни толченой водой; Реликт имитировал его поступок. Вскоре, однако, Реликт погибал от яда, от кровотечения в кишечнике или от кожных нарывов, тогда как Организм спокойно отдыхал, развалившись на влажной черной траве. Нередко Организм стремился сожрать Реликта; тот в ужасе убежал, неспособный найти убежище нигде в окружающем мире – он бежал все дальше и дальше, подпрыгивая, расталкивая грудью густой воздух, выпучив глаза и раскрыв рот, выкрикивая жалобы и задыхаясь, пока, наконец, не погрузился в пруд холодного жидкого чугуна или не оказывался запертым внутри безвоздушного пузыря, где он погибал, лихорадочно размахивая руками и натываясь на невидимые преграды, как муха в бутылке.

Местных Реликтов теперь можно было пересчитать на пальцах одной руки. В группу Финна, сидевшего на корточках под скалой и смотревшего на равнину, входили еще четыре человека. Двое – старики – должны были скоро умереть. Не обнаружив ничего съестного, Финн тоже должен был скоро умереть.

На равнине один из Организмов, Альфа, присел на траву, поймал пригоршню воздуха – шар голубой жидкости – смешал его с камнем, разминая и растягивая смесь, как патоку, после чего развернул ее внезапным броском. Реликт пригнулся ближе к скале. Никогда нельзя было предсказать, какую чертовщину придумает Альфа. Потому что все Организмы были совершенно непредсказуемы! Реликт высоко ценил их питательную плоть; но Организмы, со своей стороны, тоже сожрали бы его при первой возможности. Причем в этом соревновании Организмы пользовались огромным преимуществом: случайность их поступков приводила Финна в замешательство. Если бы он побегал, стремясь уклониться от опасности, его ожидала самая ужасная судьба. Изменчивость трения и прочности грунта вряд ли позволила бы ему двигаться в избранном направлении. Но случайность и беспорядочность движений Организмов соответствовали хаотичности окружающей среды; удвоение непоследовательностей иногда приводило к их резонансу, а иногда – к их взаимному исключению. В последнем случае Организм мог поймать Финна... Все это было совершенно необъяснимо. Но что в этом мире было объяснимо? Само понятие какого-либо «объяснения» потеряло смысл.

Организмы подходили к нему. Неужели они его заметили? Финн прижался плашмя к грязновато-желтоватому выступу скалы.

Два Организма задержались поблизости. Финн их слышал – и оцепенел, раздираемый противоречивыми приступами голода и страха.

Альфа опустился на колени, лег на спину и беспорядочно раскинул руки и ноги, вознося к небу мелодичные восклицания, присвисты и гортанные стоны. Он только что придумал свой собственный импровизированный язык, но Бета его хорошо понимал.

«Видение! – провозгласил Альфа. – Я вижу выше неба. Там узлы, там вращаются круги. Они сжимаются в твердые точки; эти точки больше никогда не распустятся».

Забираясь на пирамиду, Бета взглянул через плечо на пятнистое небо.

«Прозрение! – распевал Альфа. – Картина из других времен: жесткая, безжалостная, неизбежная».

Бета устроился на пирамиде, нырнул сквозь ее стекловидную поверхность, проплыл под Альфой, вынырнул и лег плашмя рядом с Альфой.

«Смотри – Реликт на склоне. В его крови – вся древняя раса узколобых с умами, тесными, как трещины. Прозрение изошло от него. Неповоротливый тупица!» – говорил Альфа.

«Они все вымерли, все! – отозвался Бета. – Остались трое или четверо». (Если «прошлое», «настоящее» и «будущее» – не более чем рудиментарные понятия, унаследованные от безвозвратной эры, как лодки на дне высохшего озера, завершение того или иного процесса не поддается четкому определению.)

Альфа сказал: «Таково прозрение. Я вижу Реликтов, кишящих на Земле. Их унесло в никуда, как полчище гнуса порывом ветра. Всё позади».

Организмы лежали молча, размышляя о прозрении.

Камень – возможно, метеорит – упал из неба и ударился в поверхность пруда. Он оставил след – постепенно смыкавшееся круглое отверстие. С другой стороны пруда выплеснулась струя жидкости, уплывшая вдаль по воздуху.

Альфа произнес: «Снова – видение становится ярче! В небе будут огни».

Лихорадочное возбуждение Альфы прошло. Зацепившись пальцем за воздух, он поднялся на ноги.

Бета продолжал молча лежать. Слизни, муравьи, мухи, жуки ползали по нему, вгрызались в него, размножались. Альфа знал, что Бета мог встать, стряхнуть с себя насекомых и уйти. Но Бета, судя по всему, предпочитал пассивность. И этого было достаточно. Он мог создать другого Бету, если бы захотел, или дюжину таких же, как он. Порой мир наполнился мириадами Организмов всевозможных форм и цветов – высокими, как церковные шпили, приземистыми, как цветочные горшки. Порой они тихо прятались в глубоких пещерах, после чего бывало, что ненадежная толща Земли смещалась – и один Организм или тридцать Организмов оказывались запертыми в подземном коконе; но все они терпеливо ждали того момента, когда грунт раскроется и они смогут выйти наружу: бледные, жмуриящиеся от непривычного света.

«Я ощущаю потребность, – произнес Альфа. – Я съем Реликта». Двинувшись куда глаза глядят, он по чистой случайности оказался рядом с выступом желтоватой скалы. Реликта по имени Финн охватила паника, он вскочил.

Альфа попытался сообщить Финну, что тому следовало подождать, пока Альфа не насытится. Но многозначные обертоны голоса Альфы оставались невразумительными для Реликта. Он схватил камень и швырнул его в Альфу. Камень превратился в облачко пыли, полетевшей обратно в лицо Финну.

Альфа переместился ближе и протянул длинные руки. Реликт попытался пнуть Альфу, но не удержался на ногах и соскользнул на равнину. Альфа безмятежно обошел его и встал у него за спиной. Финн стал отползать налево. Альфа двинулся направо – ему было все равно, куда идти – натолкнулся на Бету и начал пожирать Бету вместо Реликта. Реликт неуверенно задержался, после чего приблизился и присоединился к Альфе, заталкивая в рот куски розовой плоти.

Альфа сказал Реликту: «Я хотел сообщить о своем прозрении тому, кого мы едим. Теперь я буду говорить с тобой».

Финн не понимал импровизированный язык Альфы. Он ел со всей возможной быстротой.

Альфа продолжал: «В небе будут огни. Яркие огни».

С подозрением следя за Альфой, Финн схватил ноги, оставшиеся от Беты, и потащил их к склону каменного холма. Альфа наблюдал за ним с вопросительно-безразличным выражением.

Для истощенного Реликта это был тяжкий труд. Иногда останки Беты плыли по воздуху, иногда он сам поднимался в воздух, как пушинка, но затем прилипал к почве. Наконец ноги Беты опустились на гранитный валун и примерзли к нему. Финн пытался оторвать их и даже поддеть их палкой, но тщетно.

Финн принялся бегать вокруг, испытывая мучительную нерешительность. Останки Беты начали сжиматься и сохнуть, как медуза на горячем песке. Реликт оставил ноги Беты на валуне. Слишком поздно, он опоздал! Пропало столько вкусной пищи! В этом ужасном мире все приводило к разочарованию!

Пока что, однако, его желудок был полон. Он стал подниматься на скалу и вскоре нашел лагерь Реликтов, где его ожидали два старика и две женщины. Женщины, Гиза и Рика, тоже занимались поисками съестного. Гиза принесла комок лишайника, Рика – кусочек падали неизвестного происхождения.

Старики, Бод и Тагарт, молча сидели, ожидая либо насыщения, либо смерти.

Женщины встретили Финна угрюмо: «Где пища, за которой ты отправился?»

«У меня была целая половина тела, – ответил Финн. – Но я не смог ее донести».

Тем временем Бод ловко стащил комок лишайника и теперь запихивал его в рот. Лишайник ожил, задрожал, из него стала сочиться густая, красная, ядовитая сукровица, и старик умер.

«Теперь у нас есть пища, – сказал Финн. – Давайте есть».

Но яд вызвал гнилостное разложение – труп старика покрылся голубой пеной, утекавшей пузырящимися струйками.

Женщины повернулись, глядя на второго старика. Тот произнес дрожащим голосом: «Съешьте меня, если больше ничего не остается – но почему бы не съесть Рику? Она моложе!»

Рика, младшая из двух женщин, продолжала грызть кусочек падали и ничего не сказала.

Финн глухо пробормотал: «К чему беспокоиться? Добывать еду становится все труднее, и мы – последние из людей».

«Нет-нет! – воскликнула Рика. – Мы не последние. Я видела других на зеленом валу».

«Это было давно, – отозвалась Гиза. – С тех пор все они умерли, будь уверена».

«Может быть, они нашли источник пищи», – предположила Рика.

Финн поднялся на ноги, посмотрел на равнину: «Кто знает? Может быть далеко, за горизонтом, есть земли, где много еды».

«Нигде ничего нет, кроме дикой дряни и злобных тварей», – раздраженно обронила Гиза.

«Но что может быть хуже, чем оставаться здесь?» – спокойно возразил Финн.

На это никто не смог ничего сказать.

«Вот что я предлагаю, – продолжал Финн. – Видите этот высокий горный пик? Видите, как плывут слои твердого воздуха? Они наталкиваются на пик, отскакивают от него, плывут то туда, то сюда, а потом пропадают за хребтом. Давайте заберемся на этот пик и, когда мимо будет проплывать большая полоса воздуха, вспрыгнем на нее – и пусть она несет нас вдаль, в чудесные земли, которых отсюда не видно».

Реликты стали спорить. Старик Тагарт протестовал, говоря, что он слишком слаб для таких приключений. Женщины презрительно высмеивали надежду на существование «чудес-

ных земель». В конце концов, однако, ворча и продолжая спорить, они начали подниматься по склону остроконечной горы.

Подъем занял много времени; мягкий, как студень, обсидиан прогибался и сползал под ногами, а Тагарт несколько раз заявлял, что у него больше не было сил. Но они продолжали карабкаться вверх и наконец добрались до вершины. Четыре человека едва поместились на этой вершине. Отсюда открывался далекий вид во все стороны – горизонты терялись в водянистой серой дымке.

Женщины ругались и тыкали пальцами в разные стороны, но никто не замечал никаких признаков существования более многообещающих территорий. С одной стороны сине-зеленые холмы дрожали, как пузыри, наполненные жидким маслом. С другой стороны виднелась черная полоса – ущелье или продолговатое озеро глинистой грязи. В третьем направлении появились сине-зеленые холмы – те же, что и в первом направлении; каким-то образом они переместились. Под горой простиралась равнина, блестящая, как надкрылья жука-бронзовки, местами пестрящая черными бархатными пятнами, покрытая сомнительной растительностью.

На равнине можно было различить больше десятка Организмов, бродивших по берегам прудов, жевавших какие-то стручки, камешки и насекомых. К ним постепенно приближался Альфа; все еще поглощенный прозрением, он не обращал внимания на других. Сначала Организмы продолжали забавляться играми, но затем остановились – их тоже охватило подавляющее предчувствие.

Протянув руку с вершины обсидианового пика, Финн поймал волокно проплывавшей мимо полосы воздуха, притянул ее к себе: «Давайте, забирайтесь! Полетим в страну изобилия!»

«Никуда я не полезу! – огрызнулась Гиза. – Мы там не поместимся. В любом случае, откуда мы узнаем, что полетим туда, куда нужно?»

«А куда нужно лететь? – возразил Финн. – Кому-нибудь это известно?»

Никто этого не знал, но женщины все равно не хотели запрыгивать на воздушную полосу. Финн повернулся к старику: «Тагарт, покажи им, как это делается! Залезай!»

«Нет-нет! – отмахивался Тагарт. – Я боюсь воздуха! Это не для меня».

«Забирайся! Мы последуем за тобой».

Отдуваясь и дрожа от страха, Тагарт опустил руки в губчатую массу, вцепился в нее пальцами и взобрался на полосу; ноги его болтались над бездной.

«Кто следующий?» – спросил Финн.

Женщины все еще не хотели рисковать. «Залезай сам!» – прикрикнула Гиза.

«Не хочу оставлять вас здесь. Кого еще я смогу съесть, если есть будет нечего? Полезайте!»

«Нет, воздуха слишком мало! Пусть на этой полосе летит старик, а мы залезем на другую, побольше».

«Хорошо!» – Финн отпустил волокно воздуха. Полоса поплыла над равниной; Тагарт уселся на ней верхом, изо всех сил цепляясь руками и ногами.

Остальные с любопытством наблюдали за полетом старика. «Смотрите, как быстро и легко движется воздух! – сказал Финн. – Высоко над Организмами, высоко над всей этой ядовитой грязью и непредсказуемостью».

Но воздух как таковой тоже был непредсказуем – воздушный плот старика исчезал на глазах. Хватаясь за распускающиеся волокна, Тагарт пытался сплести их воедино. Но волокна выскользнули у него из рук, и он сорвался.

С вершины пика Финн и две женщины смотрели на кувыркающееся тощее тело, стремительно падающее на далекую равнину.

«Теперь у нас даже мяса не осталось», – раздраженно заметила Рика.

«Ничего не осталось, – поддакнула Гиза, – кроме изобретателя Финна».

Они внимательно смотрели на Финна. Вдвоем женщины вполне могли одолеть его.

«Будьте осторожны! – предупредил их Финн. – Я – последний мужчина. Вы – мои женщины, вы обязаны мне подчиняться».

Женщины игнорировали его; бормоча между собой, они то и дело косились на него.

«Будьте осторожны! – повторил Финн. – Или я сброшу вас обеих с этой вершины».

«Мы как раз собирались это сделать с тобой», – сказала Гиза. Женщины зловеще двинулись к нему.

«Остановитесь! Я – последний мужчина!»

«Без тебя нам будет легче».

«Одну минуту! Посмотрите на Организмов!»

Женщины взглянули туда, куда он показывал. Организмы сжались в тесную группу, глядя на небо.

«Смотрите! Смотрите на небо!»

Женщины подняли головы; мутное стекло желтоватого неба покрывалось трещинами, разрывалось, сворачивалось куда-то в сторону.

«Голубое небо! Голубое небо, как в старые добрые времена!»

На них пролился ослепительный, обжигающий глаза свет. Их обнаженные спины почувствовали прилив тепла.

«Солнце! – притихшими, почтительными голосами говорили они друг другу. – Солнце вернулось на Землю!»

Пятнистого мутного неба больше не было; Солнце гордо и ярко горело посреди голубого простора. Почва на равнине взрыхлялась, покрывалась трещинами, вспучивалась, твердела. Они чувствовали, как обсидиан становился жестким под ногами; он темнел, становясь полупрозрачно-черным. Земля, Солнце, Галактика вынырнули из зоны произвола; наступила другая эпоха, со всеми ее ограничениями и логикой.

«Древняя Земля! – кричал Финн. – Мы – люди Древней Земли! Земля снова наша!»

«Что теперь будет с Организмами?»

«Если это прежняя Земля, Организмам придется плохо!»

Организмы стояли на небольшом возвышении рядом с ручейком, который быстро превращался в реку, вытекающую на равнину.

Альфа воскликнул: «Вот мое прозрение! Именно такое, каким я его видел. Свободы больше нет – вернулись жесткость и стеснение!»

«Как с этим справиться?» – спросил другой Организм.

«Очень просто, – отозвался третий. – Каждый должен принять участие в битве. Я намерен атаковать Солнце и затмить его!» Он пригнулся и подпрыгнул в воздух, но упал на спину и сломал себе шею.

«Ошибка – в воздухе, – заявил Альфа, – потому что воздух окружает всё!»

Шесть Организмов побежали искать воздух, упали в реку и утонули.

«В любом случае, – заметил Альфа, – я проголодался». Посмотрев по сторонам в поисках подходящей еды, он поймал насекомое – оно его ужалило. Альфа тут же выпустил насекомое. «Я все еще голоден», – пожаловался он. Альфа заметил Финна и двух женщин, спускавшихся со скалы.

«Съем одного из Реликтов, – решил Альфа. – Пойдемте, мяса хватит на всех».

Три Организма последовали его совету – все они, как обычно, разошлись в случайных направлениях. Но случайность не подвела Альфу – он оказался лицом к лицу с Финном и приготовился его съесть. Финн поднял камень. У него в руке камень оставался камнем – твердым, тяжелым, с острыми краями. Финн швырнул камень, испытывая удовольствие от ощущения нормальной инерции. Камень разможил череп Альфы – тот упал и умер. Один из других Организмов попытался перешагнуть через расщелину шириной метров семь и свалился в нее.

Другой сел на землю и принялся глотать камешки, чтобы утолить голод; через некоторое время он схватился за живот и стал биться в конвульсиях.

Финн размахивал руками, указывая то в одну сторону, то в другую: «Здесь мы построим новый город – такой, как в легендах! А здесь будут фермы – мы возделаем поля, разведем скот».

«У нас ничего этого нет!» – возразила Гиза.

«Нет, – кивнул Финн. – Пока что нет. Но Солнце будет снова всходить и заходить, камни снова стали тяжелыми, а воздух – легким. Снова пойдет дождь, реки снова потекут в море». Перешагнув через тело упавшего Организма, он обернулся к женщинам: «С чего начать?»

Убежище Уллворда

Бруэм Уллворд пригласил трех друзей отобедать у него на ранчо: Теда и Рэйвлин Сихоу, а также их юную дочь Юджину. По окончании роскошного пиршества Уллворд предложил гостям поднос со стимулирующими пищеварение пастилками, благодаря которым он нажил свое состояние.

«Чудесный обед! – с почтением отозвался Тед Сихоу. – Пожалуй, для меня это было даже чересчур. Нет, спасибо, я обойдусь без пастилок. Водоросли были просто неподражаемы».

Улыбнувшись, Уллворд непринужденно развел руками: «Они настоящие».

Рэйвлин Сихоу – розовощекая, весьма положительно настроенная молодая женщина лет восьмидесяти или девяноста – взяла пастилку: «Жаль, что натуральные водоросли так трудно найти. У тех, что мы обычно едим, синтетических, совсем другой вкус».

«Да, это проблема, – признал Уллворд. – Я сложился с приятелями, мы купили небольшую водорослевую матрицу в море Росса и выращиваем их сами».

«Подумать только! – воскликнула Рэйвлин. – Но это же ужасно дорого!»

Уллворд сочувственно поджал губы: «Все лучшее в этой жизни обходится дорого. К счастью, я могу себе позволить кое-какие прихоти».

«Вот я и говорю Теду...» – начала было Рэйвлин, но придержала язык, встретив глазами предупреждающий взгляд супруга.

Уллворд решил замять неудобный момент: «Деньги – еще не все. Да, у меня есть участок водорослевой плантации, у меня есть ранчо. Но у вас есть дочь – и, конечно же, вы не обменяли бы ее ни на что на свете».

Рэйвлин смерила Юджину критическим взглядом: «Не стала бы это утверждать с такой уверенностью».

Тед похлопал Юджину по руке: «Когда вы заведете своего ребенка, земвлад Уллворд?»¹

«На это уйдет еще какое-то время. Передо мной в очереди тридцать семь миллиардов человек».

«Жаль! Вы могли бы дать ребенку столько преимуществ!» – проницательно заметила Рэйвлин.

«В один прекрасный день настанет и мой черед, я еще не слишком стар».

«Увы! – продолжала сожалеть Рэйвлин. – Ничего не поделаешь. Еще пятьдесят миллиардов, и у нас не было бы вообще никакой частной жизни!» Она с восхищением обвела глазами помещение – ведь оно использовалось исключительно в целях приготовления и приема пищи.

Уллворд опустил ладони на ручки кресла и слегка наклонился вперед: «Возможно, вы хотели бы посмотреть на ранчо?» Он ничем не выдавал волнение – просто переводил взгляд с одного лица на другое.

Юджина захлопала в ладоши; Рэйвлин просияла: «Если это вас не слишком затруднит».

«О, мы очень даже хотели бы взглянуть на ваше ранчо, земвлад Уллворд!» – воскликнула Юджина.

«Давно надеялся познакомиться с вашим ранчо, – поддержал свою дочь Тед Сихоу. – О нем так много говорят».

«Я не хотела бы, чтобы Юджина упустила такую возможность, – прибавила Рэйвлин и погрозила дочери пальцем. – Помни, котенок: внимательно все подмечай, но ничего не трогай!»

«А фотографировать можно?»

«Об этом нужно спросить земвлда Уллворда».

¹ Земвлад: принятое в те времена почтительное обращение, сокращение выражения «землевладелец».

«Конечно, конечно! – поспешил сказать Уллворд. – Почему нет?» Он поднялся на ноги – человек чуть выше среднего роста, заметно начинавший полнеть, с прямыми волосами песочного оттенка, круглыми голубыми глазами и выдающимся горбатым носом. Ему было уже почти триста лет, но он очень заботился о своем здоровье и выглядел не больше, чем на двести.

Подходя к двери, он посмотрел на часы и прикоснулся к циферблату на стене: «Вы готовы?»

«Да-да, готовы», – отозвалась Рэйвлин.

Уллворд отодвинул часть стены – открылся вид на пасторальную опушку. Под сенью красивого дуба поблескивал рябью пруд. Тропинка вела по луку к лесистой долине, темневшей в полтора километрах.

«Великолепно! – сказал Тед. – Просто великолепно!»

Они вышли наружу, на озаренную солнечным светом траву. Юджина стала танцевать и кружиться, размахивая руками: «Смотрите! Я одна! Посреди всего – сама по себе!»

«Юджина! – строго прикрикнула на нее Рэйвлин. – Осторожно! Оставайся на тропе! Это настоящая трава, ты можешь ее повредить».

Юджина побежала вперед, к пруду: «Мама! – девочка обернулась. – Смотри, там прыгают какие-то забавные зверьки! И посмотри, какие цветы!»

«Этих животных называют „лягушками“, – пояснил Уллворд. – У них очень любопытный жизненный цикл. Видишь, в воде плавают существа, похожие на рыбок?»

«Они тоже забавные! Мама, иди сюда!»

«Этих рыбок называют „головастиками“ – через некоторое время из них вырастут лягушки, точно такие же, как те, что прыгают вокруг».

Тед и Рэйвлин подошли поближе, сохраняя достоинство, но лягушки их заинтересовали не меньше, чем Юджину.

«Чувствуешь, какой тут свежий воздух? – спросил жену Тед. – Можно подумать, мы вернулись в прошлое».

«Воздух просто восхитительный, – согласилась Рэйвлин и посмотрела по сторонам. – Возникает такое впечатление, как будто здесь можно гулять бесконечно, все дальше и дальше».

«Подойдите сюда! – подозвал их Уллворд. – У меня тут так называемый „сад камней“».

Гости с изумлением уставились на скальное обнажение, покрытое пятнами красного и желтого лишайника, пучками зеленого мха. В расщелине росли папоротники, а вокруг пестрела россыпь хрупких белых цветов.

«Понюхайте цветы, если хотите, – предложил Уллворд. – Но, пожалуйста, не трогайте их, они легко портятся».

Юджина понюхала цветок: «Мммм!»

«И все это настоящее?» – спросил Тед.

«Мох настоящий, да. Поросль папоротников и эти маленькие мясистые растения тоже настоящие. Цветы для меня спроектировал специалист-садовод – это точные реплики какой-то древней разновидности. Мы слегка улучшили их аромат, впрочем».

«Чудесно, чудесно!» – повторял Тед.

«А теперь пойдемте сюда – нет, не смотрите назад! Я хотел бы произвести полный эффект...»

Уллворд раздраженно поморщился.

«Что случилось?» – спросил Тед.

«Черт бы их побрал! – выругался Уллворд. – Слышите этот шум?»

Тед уловил какой-то тихий отдаленный рокот, почти незаметный: «Да. Похоже на то, что где-то поблизости какое-то производство».

«Так и есть. Этажом ниже. Там делают ковры. Один из ткацких станков грохочет непрерывно. Я жаловался, но они пальцем о палец не ударили... Что ж, не обращайтесь внимания. Встаньте здесь – и посмотрите вокруг!»

Его друзья восхищенно ахнули. Под этим углом жилище Уллворда выглядело как сельская избушка в альпийской долине – входная дверь открывалась в столовую.

«Превосходная иллюзия перспективы! – воскликнула Рэйвлин. – Можно действительно подумать, что мы здесь одни».

«Здесь, наверное, можно работать в тишине и покое, – заметил Тед. – Могу поклясться, что ландшафт простирается километров на пятнадцать – ну, по меньшей мере на восемь».

«У меня тут много пространства, – гордо похвалился Уллворд. – Почти три четверти акра. Хотите увидеть ту же картину при лунном свете?»

«Конечно, если это нетрудно сделать...»

Уллворд подошел к потайной панели управления – Солнце поспешно пролетело по небосклону. Долина погрузилась в зарево пылающего заката, небо приобрело слегка фиолетовый оттенок с золотистыми и зелеными сполохами, после чего сгустились сумерки – из-за холма стала восходить полная луна.

«Просто невероятно! – почти прошептала Рэйвлин. – Как вы можете покидать этот райский уголок?»

«Уходить отсюда трудно, – признался Уллворд. – Но делами тоже приходится заниматься. Больше денег – больше пространства».

Он повернул ручку регулятора: Луна пролетела по небу и зашла. Появились звезды, мерцавшие знакомыми с древности сочетаниями. Наводя на созвездия луч маленькой лазерной указки, Уллворд называл звезды первой величины. Небо окрасилось сначала бледно-сиреневым, затем лимонно-желтым заревом, и снова появилось Солнце. Невидимые воздухопроводы создали на опушке иллюзию прохладного ветерка.

«Я веду переговоры о покупке участка за этой стеной, – Уллворд постучал указкой по максимально приближенному к реальности трехмерному изображению горного хребта, образованному многослойной панелью. – Площадь участка довольно велика, почти десять квадратных метров. Владелец заломил безбожную цену, конечно».

«Удивительно, что такой участок вообще продается, – заметил Тед. – Десять квадратных метров – более чем достаточно для целой семьи».

«Пра-пра-пра-прадед владельца скончался, – объяснил Уллворд. – Таким образом он унаследовал лишнюю площадь».

Тед кивнул: «Надеюсь, вам удастся ее заполучить».

«Я тоже на это надеюсь. У меня далеко идущие амбиции – в конечном счете я хотел бы приобрести весь этаж этого квартала, но это длительный, постепенный процесс. Люди не любят продавать пространство, а желающих его купить хоть отбавляй».

«Мы не относимся к их числу, – весело заявила Рэйвлин. – Нам хватает нашего маленького жилья. У нас очень уютно, и мы накапливаем сбережения, чтобы вкладывать капитал».

«Предусмотрительная стратегия, – согласился Уллворд. – В наше время многим не хватает жилплощади. А потом, когда появляется шанс сделать большие деньги, у них нет достаточного свободного капитала. До тех пор, как мне улыбнулась удача с пастилками, я арендовал ячейку для одиночек. Там было тесно – но сегодня я об этом не жалею».

Возвращаясь по опушке к домику Уллворда, они задержались у дуба. «Я особенно горжусь этим деревом, – сказал Уллворд. – Это настоящий дуб!»

«Настоящий? – поразился Тед. – Я думал, что это имитация».

«Так кажется на первый взгляд, – кивнул Уллворд. – Нет, он подлинный».

«Юджина, пожалуйста, сфотографируй это дерево. Но не прикасайся к нему – ты можешь повредить кору».

«Прикосновения нисколько не повредят коре», – заверил гостей Уллворд. Взглянув на ветви дерева, он опустил голову и внимательно осмотрел почву под стволом. Нагнувшись, он подобрал опавший лист. «Этот лист вырос на дереве, – сказал он. – А теперь, Юджина, пойдем – я тебе что-то покажу». Уллворд направился к «саду камней» и отодвинул в сторону имитацию выступа скалы. Под ней оказался шкафчик с раковиной. «Смотри внимательно! – он показал девочке лист. – Видишь? Лист высох, стал хрупким и коричневым».

«Да, земвлад Уллворд», – Юджина смотрела во все глаза.

«Сначала я опушу лист вот в этот раствор, – продолжал Уллворд; он взял с полки химический стакан, наполненный темной жидкостью. – Вот таким образом. Раствор восстанавливает зеленый цвет листа. Потом мы осторожно нанесем на поверхность еще одну жидкость. Теперь лист снова стал гибким и прочным, видишь? И последний раствор – прозрачное пластиковое покрытие. Вот и все, теперь у нас есть подлинный дубовый листочек, совсем как новенький. Он твой».

«О, земвлад Уллворд! Не знаю, как вас благодарить! – девочка побежала показывать лист родителям, стоявшим у пруда и наблюдавшим за лягушками, наслаждаясь редким роскошным ощущением свободного пространства. – Смотрите, что мне подарил земвлад Уллворд!»

«Обращайся с листком очень осторожно, – предупредила Рэйвлин. – Когда мы вернемся домой, мы найдем для него подходящую маленькую оправу, и ты можешь повесить его на стену в своей ячейке».

Поддельное светило перемещалось к поддельному западному небосклону. Уллворд подвел гостей к солнечным часам: «Никто не знает, сколько лет этому древнему инструменту. Чистый мрамор, резьба ручной работы. Причем такие часы, разумеется, работают вечно. Смотрите – тень показывает время: три часа пятнадцать минут...» Сверившись с электронными часами на поясе, Уллворд прищурился, взглянув на Солнце: «Прошу прощения, одну минуту». Подбежав к панели управления, он отрегулировал положение светила – Солнце рывком переместилось по небу на десять градусов. Уллворд вернулся и проверил показания солнечных часов: «Вот так будет лучше. Смотрите: солнечные часы показывают три часа пятьдесят минут – ровно столько же, сколько на электронных часах. Удивительно, не правда ли?»

«Чудесная вещь», – серьезно отозвалась Рэйвлин.

«Я еще никогда ничего подобного не видела», – внесла свою лепту Юджина.

Рэйвлин обвела глазами ранчо Уллворда, завистливо вздохнула: «Так не хочется уходить! Но, по-моему, нам пора возвращаться домой».

«Благодаря вам мы провели замечательный день, земвлад Уллворд, – сказал Тед. – Чудесный обед, великолепное ранчо!»

«Обязательно приходите снова, – пригласил их Уллворд. – Мне всегда нравится проводить время в вашей компании».

Он провел их в столовую, а затем в гостиную, к выходной двери. Семья Сихоу в последний раз оценила просторный интерьер; гости надели накидки и кроссовки на роликах, попрощались с хозяином. Уллворд отодвинул дверь. Выглядывая наружу, гости подождали, пока в плотном движении не образовался достаточный перерыв. Еще раз попрощавшись взмахами рук, они натянули на головы капюшоны и выступили в коридор. Ролики в подошвах автоматически повезли их домой, правильно выбирая повороты и время от времени останавливаясь на площадках, поднимавшихся и спускавшихся на другие уровни. Так же, как супруги Сихоу с дочерью, все вокруг носили накидки и капюшоны из отражательной пленки, оберегавшей их от посторонних взглядов. На панели, установленные вдоль потолка, проецировалось изображение небоскребов, устремлявшихся в радующее глаз ярко-голубое небо – возникала идеальная иллюзия пешего передвижения по одному из обдуваемых ветром верхних уровней.

Оказавшись примерно в двухстах метрах от своей жилищной единицы, Сихоу втроем повернули ближе к стене. Если бы они проехали дальше вместе с потоком движения, им при-

шлось бы обогнуть весь квартал и попытаться снова зайти домой. Как только они оказались у входной двери, она быстро отодвинулась в сторону, и они проскользнули в открывшийся проем, схватившись за металлический поручень.

Внутри они сняли накидки и роликовые кроссовки, привычно избегая столкновений друг с другом. Юджина тут же юркнула в туалет, освободив место, позволившее Теду и Рэйвлин присесть. У них дома было довольно-таки тесно для троих – не помешал бы дополнительный квадратный метр жилплощади, но вместо того, чтобы вносить чрезмерную квартирную плату, они предпочитали копить деньги на будущее: Юджина уже подрастала.

Тед удовлетворенно вздохнул, растянув ноги так, что его ступни оказались под стулом Рэйвлин: «Как бы ни было хорошо на ранчо Уллворда, вернуться домой все равно приятно».

Юджина выскользнула из туалета.

Рэйвлин повернулась к ней: «Тебе пора принять таблетку, дорогая».

Юджина скорчила гримасу: «Зачем, мама? Зачем принимать таблетки? Я и так прекрасно себя чувствую».

«Они полезны».

Юджина раздраженно взяла таблетку из дозатора: «Руни говорит, что вы заставляете нас принимать таблетки, чтобы мы не выросли слишком рано».

Тед и Рэйвлин переглянулись.

«Меньше слушай, что говорит Руни, – посоветовала Рэйвлин. – Принимай таблетки, как положено».

«Но как так получается, что мне 38 лет, а Эрмаре Берк всего 32 года, и у нее уже заметная фигура, а я все еще плоская, как доска?»

«Давай не будем спорить, дорогая. Проглоти таблетку».

Тед вскочил на ноги: «Присаживайся, дочурка».

Юджина протестовала, но Тед настоял на своем: «Я посижу в нише. Мне нужно кое-кому позвонить».

Протиснувшись мимо Рэйвлин, он присел в нише перед телеэкраном. У него за спиной светилась изготовленная по индивидуальному заказу иллюзионная панель – Рэйвлин сама ее спроектировала. Панель изображала веселый маленький разбойничий притон со стенами, увешанными красными и желтыми шелковыми полотнами, с полной фруктов чашей на деревянном столе, с гитарой на скамье и медным чайником, пускающим струйку пара на жаркой плите. Панель эта обошлась недешево, но каждый раз, когда кто-нибудь говорил по телефону с кем-нибудь из семьи Сихоу, притон был первым, что они видели, Рэйвлин гордилась тем, что позволила себе такую роскошь.

Перед тем, как Тед успел кому-либо позвонить, зажегся индикатор вызова. Тед принял вызов, и на экране появилась физиономия его приятеля Лорена Эйгла, якобы сидевшего под ажурным куполом ротонды, сквозь который проглядывали кучерявые облака на голубом небе – Рэйвлин не преминула узнать дешевый эффект из стандартного архива фоновых изображений.

Лорену и Эльме, его жене, не терпелось узнать о посещении ранчо Уллворда супругами Сихоу. Тед подробно рассказал о том, как они провели вторую половину дня: «Пространство, пространство! Изобилие пространства! Роскошь полного одиночества! Никто не мешает. Это трудно себе вообразить! А сколько денег он вложил в иллюзионные панели! Целое состояние!»

«Он ведет приятную жизнь, ничего не скажешь, – заметил Лорен Эйгл. – А я тебе расскажу нечто еще более невероятное. Сегодня я зарегистрировал владельца целой планеты». Лорен работал в сертификационном бюро агентства по продаже инопланетного имущества.

Тед не понял: «Владельца целой планеты? Как это может быть?»

Лорен объяснил: «Он – астронавт, работающий только на себя. Такие еще бывают».

«Но что он собирается делать с целой планетой?»

«По его словам, он собирается там жить».

«Один?»

Лорен кивнул: «Я с ним довольно долго болтал. Он считает, что у Земли есть преимущества, но предпочитает провести остаток своих дней в одиночестве на своей планете. Представляешь?»

«Честно говоря, нет! Но я не могу себе представить и четвертое измерение. Чудеса, да и только!»

Разговор закончился, экран погас. Тед повернулся к жене: «Ты слышала?»

Рэйвлин кивнула – она слышала, но не обратила особого внимания. Она просматривала меню фирмы по доставке блюд, на услуги которой они подписались: «После такого обеда, как сегодня, на ужин нам ничего не нужно – кроме, может быть, какой-нибудь легкой закуски. У них тут опять имитация синтетических водорослей».

Тед недовольно хмыкнул: «Имитация синтетики не идет в сравнение с настоящей синтетикой».

«Но она дешевле – и мы уже отлично пообедали».

«Обо мне не беспокойся, мама! – пропела Юджина. – Я пойду гулять с Руни».

«Даже так? И что вы собираетесь делать, если не секрет?»

«Полетим вокруг света. Если успеем на семичасовой челнок – мне надо спешить».

«Сразу после этого возвращайся домой! – строго приказала Рэйвлин. – Никуда больше не ходи».

«Ой боже мой, мама! Ты все время думаешь, что я собралась с кем-нибудь куда-то бежать или что-нибудь в этом роде».

«Не забывай о том, что я говорю, котенок. Я тоже была девочкой. Ты захватила лекарство?»

«Да, да, я взяла лекарство».

Юджина убежала. Тед снова опустился в нишу перед экраном.

«Кому ты решил звонить?» – поинтересовалась Рэйвлин.

«Земвладу Уллворду. Следует еще раз поблагодарить его, мы причинили ему столько беспокойств».

Рэйвлин согласилась с тем, чего требовала элементарная вежливость – Уллворд угостил их настоящими водорослями с маргарином.

Тед позвонил Уллворду и выразил благодарность, а затем – как бы между прочим – упомянул о регистрации владельца новой планеты.

«Целой планеты? – удивился Уллворд. – Надо полагать, она уже заселена».

«Нет, насколько мне известно, она необитаема. Только представьте себе! Никого вокруг!»

«Здесь мне тоже никто не мешает! – дружелюбно возразил Уллворд. – У себя на ранчо я чувствую себя прекрасно».

«О, разумеется, земвлад Уллворд, разумеется! Такого ранчо, как у вас, я ни у кого не видел».

«Скорее всего, новая планета – дикая пустыня, – размышлял вслух Уллворд. – Тем не менее, там можно было бы поселиться, если создать приемлемые условия. Как зовут владельца?»

«Не знаю, земвлад Уллворд. Но могу узнать, если хотите».

«Нет-нет, не беспокойтесь. Меня не настолько интересует такая возможность. Я просто позволил себе вообразить, что можно было бы сделать в такой ситуации, – Уллворд добродушно рассмеялся. – Бедный астронавт! Надо полагать, он живет под куполом с искусственной атмосферой».

«Вполне возможно, земвлад Уллворд, вполне возможно. Что ж, позвольте еще раз поблагодарить вас – и спокойной ночи!»

Астронавта звали Кеннес Мэйл. Низкорослый тощий человек с невинно-голубыми глазами, жесткий, как синтетическая селедка, и смуглый, как жареные дрожжи, он коротко стриг седеющие волосы. Мэйл проявил вежливое любопытство по поводу ранчо, но с точки зрения Уллворда частое использование астронавтом выражения «ловко придумано» свидетельствовало о некоторой бестактности.

Когда они возвращались внутрь, Уллворд снова задержался, чтобы полюбоваться своим дубом: «Подлинный живой дуб, наследник седой древности! На вашей планете есть такие красивые деревья?»

Кеннес Мэйл улыбнулся: «Земвлад Уллворд, по сравнению с деревьями моей планеты это чахлый кустик. Давайте присядем где-нибудь, я покажу вам фотографии».

К тому времени Уллворд уже упомянул о своей заинтересованности возможностью приобретения инопланетной недвижимости. Мэйл признавал, что нуждался в деньгах, и дал понять, что мог бы заключить своего рода сделку. Они сели за стол; Мэйл открыл чемоданчик, Уллворд включил настенный экран.

«Прежде всего позвольте мне показать вам карту», – сказал Мэйл. Он выбрал стержень и вставил его в гнездо на столе. На стене появилась карта планеты в проекции: океаны, огромный континент под наименованием Гейя, субконтиненты поменьше – Аталанта, Персефона, Альциона. В углу светился пояснительный текст:

Мэйл указал на маленький кружок, отмеченный на восточном побережье Гейи: «Я живу здесь. В данный момент у меня там не более чем походный лагерь. Чтобы построить что-нибудь получше, нужны деньги. Я готов сдать в аренду один из небольших субконтинентов или, если хотите, часть Гейи – скажем, от Сумрачных гор до океана на западе».

Радостно улыбаясь, Уллворд покачал головой: «Для меня – никаких частей, земвлад Мэйл. Я хочу купить всю планету. Назовите цену. Если она разумна, я выпишу вам чек».

Мэйл покосился на предпринимателя: «Вы еще не видели фотографии».

«Верно. Само собой, покажите фотографии», – деловито отозвался Уллворд.

Мэйл нажал кнопку проектора. На экране появились пейзажи незнакомой, дикой красоты: горные кряжи и бушующие реки, присыпанные снегом леса, рассветы над океаном и закаты в прерии, зеленые холмы, пестрящие цветами луга, молочно-белые пляжи.

«Очень приятно! – сказал Уллворд. – Да, замечательно». Он открыл чековую книжку: «Так сколько же все это стóит?»

Мэйл усмехнулся и покачал головой: «Все это не продается. Я готов сдать в аренду часть континента – с тем условием, что вы уплатите сполна и возьмете на себя обязательство соблюдать мои правила».

Уллворд сидел, поджав губы. Через некоторое время его голова слегка дернулась в сторону. Мэйл стал подниматься на ноги.

«Нет-нет! – остановил его Уллворд. – Я просто размышлял... Давайте снова взглянем на карту».

Мэйл снова спроецировал на стену карту планеты. Уллворд тщательно изучил очертания различных континентов, то и дело спрашивая об их топографических характеристиках, климатических условиях, флоре и фауне.

Наконец он принял решение: «Я арендую Гейю».

«О нет, земвлад Уллворд! – отказался Мэйл. – Вся территория Гейи от Сумрачных гор до реки Каллиопы на востоке зарезервирована за мной. Вы можете арендовать западную часть. Она несколько меньше по площади, чем Аталанта или Персефона, но климат там теплее».

«В западной части Гейи нет высоких гор, – пожаловался Уллворд. Только незначительные Крепостные Утесы».

«Они не такие уж незначительные, – возразил Мэйл. – Вам достанутся также холмы Пурпурных Птиц, а на юге – гора Кайраско, действующий вулкан. Зачем вам еще какие-то горы?»

Уллворд взглянул туда, где за открытой дверью начиналось его ранчо: «Я привык мыслить в широком масштабе».

«Западная Гейя – огромная территория».

«Ну хорошо, – уступил Уллворд. – Каковы ваши условия?»

«В том, что касается денег, я не слишком требователен, – сказал Мэйл. – Двести тысяч в год за аренду на двадцатичетырехлетний срок, с оплатой вперед первых пяти лет».

Уллворд возмущенно откинулся на спинку стула: «Гром и молния, земвлад Мэйл! Это практически половина моего дохода!»

Мэйл пожал плечами: «Я не пытаюсь разбогатеть. Но я хочу построить охотничью дачу. Она обойдется недешево. Если вы не готовы заплатить столько, сколько я запросил, мне придется договориться с кем-нибудь, кто может себе это позволить».

Уллворд капризно заметил: «Я могу себе это позволить, конечно – но все мое ранчо обошлось мне меньше, чем в миллион».

«Дело ваше. Арендуйте Западную Гейю или не арендуйте, – пожал плечами Мэйл. – Позвольте разъяснить вам мои правила, после чего вам будет легче принять окончательное решение».

«Какие еще правила?» – буркнул Уллворд; его лицо начинало приобретать багровый оттенок.

«Мои правила просты. Их единственное назначение в том, чтобы вы и я не вторгались в частную жизнь друг друга. Во-первых, вы обязаны оставаться в пределах арендованной вами территории. Никаких вылазок „за границу“, в другие районы – их я оставляю за собой. Во-вторых, субаренда запрещена; вы – единственный арендатор и не можете сдавать в аренду от своего имени Западную Гейю или какую-либо ее часть. В-третьих, на арендуемой вами территории можете проживать только вы, члены вашей семьи и нанятый вами обслуживающий персонал. Я не хочу, чтобы на моей земле устраивали колонию какие-нибудь художники или философы; не хочу также, чтобы там возник шумный курорт. Конечно, вы можете приглашать и развлекать гостей, но они, так же, как вы, должны оставаться исключительно на арендуемой вами территории».

Мэйл покосился на мрачно молчавшего Уллворда: «Я не пытаюсь испортить вам жизнь, земвлад Уллворд. Как говорится, между добрыми соседями должна быть добротная ограда. Лучше достигнуть взаимопонимания сейчас, чем скандалить впоследствии или прибегать к выселению под прицелом лазерного пистолета».

«Дайте мне еще раз взглянуть на фотографии, – сказал Уллворд. – На фотографии Западной Гейи».

Просмотрев десятки изображений, Уллворд тяжело вздохнул: «Хорошо. Я согласен».

Строительная бригада улетела. Уллворд остался один в просторах Западной Гейи. Он обошел вокруг новой дачи, глубоко дыша чистым свежим воздухом, наслаждаясь абсолютным одиночеством и полным отсутствием помех. Дача обошлась ему в астрономическую сумму. Но кто еще на Земле имел – точнее, арендовал – что-либо подобное?

Взойдя на переднюю террасу, он гордо взирал на километры – настоящие, не спроецированные километры! – девственного ландшафта. Для своей дачи он выбрал уступ на склоне хребта Уллворда (так он переименовал холмы Пурпурных Птиц). Перед ним простиралась бескрайняя золотистая саванна, местами усеянная деревьями с сине-зеленой листвой; у него за спиной возвышался крутой серый утес.

Из расщелины скалы вырывался шумный ручей – он перекачивался с камня на камень, плескался и разбрызгивался, охлаждая воздух, и в конце концов впадал в прекрасный прозрачный пруд, на берегу которого Уллворд соорудил купальную кабинку из красного, зеленого и коричневого пластика. У основания утеса и в расщелинах росли пучки колючих бледно-голу-

бых кактусов, буйный зеленый кустарник с красными воронкообразными цветами, розетки толстых белых листьев с торчащими стеблями, увешанными гроздьями белых пузырьков.

Одиночество! Полный покой! Никаких сотрясающих стены станков, никакого ревающего потока машин в полуметре от изголовья. Протягивая одну руку вперед и прижимая другую к груди, Уллворд исполнил на террасе нечто вроде величавого торжествующего танца. Если бы он умел ходить колесом, как гимнасты, он, наверное, не преминул бы это сделать. Когда человек один – совсем один – ему ничто не запрещено!

Уллворд снова прошелся по террасе и в последний раз обвел оценивающим взглядом горизонты своих новых владений. Солнце заходило за многослойной грядой окаймленных пламенем туч. Чудесное разнообразие и богатство ярчайших оттенков, не уступающее лучшим проекциям на иллюзионных панелях!

Уллворд зашел в дом и выбрал несколько закусок из пищевой ячейки. Неспешно подкрепившись, он вернулся в гостиную и некоторое время размышлял, после чего снова вышел на террасу и стал прогуливаться по ней. Бесподобно! Ночь была полна бесчисленных звезд, больших и чуть размытых в небесной дымке, как белые лампочки – примерно так он и представлял себе всегда звездное небо.

Восхищение звездами заняло около десяти минут. Уллворд вернулся в гостиную: что теперь? Настенный экран позволял просматривать различные предварительно записанные программы. Уютно устроившись в кресле, Уллворд развлекался одной из последних музыкальных комедий.

«Настоящая роскошь! – говорил он себе. – Жаль, что я не могу пригласить друзей провести со мной вечер». К сожалению, учитывая дальность полета с Земли на планету Мэйла, это было невозможно. Тем не менее, оставалось всего три дня до прибытия первой посетительницы, Эльфи Интри – молодой женщины, с которой Уллворд состоял в более чем дружеских отношениях на Земле. Принимая Эльфи у себя на даче, Уллворд собирался обсудить с ней вопрос, занимавший его мысли уже несколько месяцев – по сути дела с тех пор, как он узнал о существовании планеты Мэйла.

Эльфи Интри прибыла вскоре после полудня, спустившись на планету Мэйла в челночной капсуле пассажирского экспресса, еженедельно посещавшего внешнее кольцо планет. Как правило, Эльфи находилась в прекрасном настроении, но сегодня, встретив Уллворда на террасе новой дачи, она кипела от возмущения: «Кто этот паршивец на другой стороне планеты? Я думала, у тебя здесь не будет случайных соглядатаев!»

«Старина Мэйл, только и всего, – уклонился от разъяснений Уллворд. – Что случилось?»

«Кретин на пакетботе задал ошибочные координаты, капсула приземлилась на пляже. Я увидела дом, я потом увидела за кустами голого мужчину, прыгавшего со скакалкой. Я подумала, что это ты, выскочила из-за кустов и закричала: „А вот и я!“ Ты только послушал бы, каким многоэтажным матом он меня обложил! – Эльфи покачала головой. – Не пойму, зачем ты терпишь такую скотину у себя на планете».

Под телеэкраном прожужжал сигнал вызова. «Наверное, это Мэйл, – сказал Уллворд. – Подожди здесь. Я научу его, как следует разговаривать с моими гостями!»

Через некоторое время он вернулся на террасу. Эльфи обняла его и поцеловала в нос: «Улли! Ты весь позеленел от злости! Надеюсь, ты не наговорил ему лишнего?»

«Нет, – ответил Уллворд. – Мы просто... достигли некоторого взаимопонимания. Пойдем, я покажу тебе свои владения».

Он провел подругу на задний двор и продемонстрировал ей плавательный бассейн, водопад и массивную скалу над ними: «Такого ты не увидишь ни на какой панели! Это настоящая скала!»

«Отлично, Улли. Очень мило. Хотя скала могла быть чуть потемнее. Камень так не выглядит».

«Ты так думаешь? – Уллворд смерил утес критическим взглядом. – Что ж, я в этом не разбираюсь. А как насчет свободного пространства? Никого вокруг!»

«Чудесно! Здесь так тихо, что атмосфера кажется почти зловещей!»

«Зловещей? – Уллворд посмотрел вокруг. – Мне это не приходило в голову».

«А ты не чувствуешь такие вещи, Улли. И все же, тут очень приятно – если ты способен выносить поблизости такого мерзавца, как этот Мэйл».

«Поблизости? – переспросил Уллворд. – Он на другом краю континента!»

«Верно, – кивнула Эльфи. – Все относительно, надо полагать. Как долго ты собираешься здесь оставаться?»

«Это зависит от обстоятельств. Пойдем внутрь, я хотел кое-что с тобой обсудить».

Он усадил подругу в удобное кресло и принес ей шарообразный бокал с глюко-фруктоидным нектаром. Для себя он смешал этиловый спирт с водой и несколькими каплями «Старомодных эфиров» Хэйга.

«Эльфи, какое место ты занимаешь в очереди на воспроизведение потомства?»

Эльфи подняла тонкие брови и покачала головой: «Осталось еще так долго ждать, что я даже не считала. Передо мной пятьдесят или шестьдесят миллиардов человек».

«Я где-то в районе тридцати семи миллиардов. Это одна из причин, по которым я купил новое поместье. Какое значение здесь имеет очередь? Никто не запретит Бруэму Уллворду размножаться на своей собственной планете!»

Эльфи поджала губы и снова печально покачала головой: «Не получится, Улли».

«Почему нет?»

«Ты не сможешь отвезти своих детей обратно на Землю. Контролеры списка не позволят».

«Верно – но подумай, как мы могли бы жить здесь, окруженные детьми! И никто не стал бы вмешиваться в нашу жизнь! Чего еще можно пожелать?»

Эльфи вздохнула: «Ты вообразил замечательную иллюзию, Улли. Но мне это не по душе. Я люблю свободное пространство и одиночество – но для того, чтобы они на самом деле ощущались, вокруг должно быть множество людей, только тогда их отсутствие приятно».

Через четыре дня пакетбот-экспресс снова пролетал мимо планеты Мэйла. На прощание Эльфи поцеловала Уллворда: «Здесь просто чудесно, Улли. Настолько великолепное одиночество, что у меня мурашки по спине бегут. Было очень приятно здесь побывать». Забираясь в капсулу, она прибавила: «Увидимся на Земле».

«Одну минуту! – спохватился Уллворд. – Я хотел, чтобы ты отвезла пару писем».

«Поспеш! Осталось только двадцать минут».

Уллворд вернулся через десять минут. «Приглашения! – запыхавшись, сообщил он. – Для друзей».

«Конечно, – она поцеловала его в нос. – До свидания, Улли!» Люк захлопнулся, капсула взвилась в небо, навстречу пакетботу.

Новые гости прибыли через три недели: Фробишер Уорбек, Лиорнетта Стобарт, Харрис и Хайла Кейбы, Тед, Рэйвлин и Юджина Сихоу, а также Джувенал Аквистер и его сын Руни.

Пролежав несколько дней под солнцем, Уллворд успел загореть. Он с энтузиазмом приветствовал прибывших: «Добро пожаловать в мое скромное убежище! Как я рад всех вас видеть! Фробишер, розовощекий безобразник! Юджина, ты выглядишь лучше, чем когда-либо! Предупреждаю, Рэйвлин – ваша дочь мне приглянулась! Но Руни тоже здесь – боюсь, мне придется посторониться! Лиорнетта – черт возьми, как хорошо, что ты сумела приехать! И Тед! Как дела, дружище, как дела? Знаешь ли, мне все это удалось устроить благодаря тебе! Харрис, Хайла, Джувенал – поднимайтесь на террасу! По такому случаю непременно нужно выпить! Выпить, выпить!»

Перебегая от одного к другому, пожимая руки и потирая медлительного Фробишера Уорбека, Уллворд провел гостей вверх по склону на террасу своей дачи. Здесь все повернулись, чтобы оценить панораму. Уллворд прислушивался к замечаниям гостей, едва сдерживая удовлетворенную ухмылку.

«Великолепно!»

«Величественно!»

«Совершенно неподдельно!»

«Небо так далеко, мне даже страшно становится!»

«И такой чистый солнечный свет!»

«Нет ничего лучше настоящих вещей, не правда ли?»

Руни произнес слегка тоскливым тоном: «Я думал, ваша дача будет на пляже, земвлад Уллворд...»

«На пляже? Но мы в горах, Руни. В стране открытых, бескрайних пространств! Взгляни опять на эту равнину!»

Лиорнетта Стобарт похлопала Руни по плечу: «Не на каждой планете есть пляжи, Руни. Секрет счастья в том, чтобы уметь удовлетворяться тем, что у тебя есть».

Уллворд весело рассмеялся: «О, у меня есть пляжи, не беспокойтесь! Прекрасный пляж всего лишь – ха-ха! – в восьмистах километрах к западу. И вся эта земля – владения Уллворда!»

«И мы сможем съездить на море? – возбужденно спросила Юджина. – Сможем, земвлад Уллворд?»

«Конечно! В маленьком ангаре ниже по склону – авиабаза Уллворда. Мы слетаем на пляж, искупаемся в океане Уллворда! А сейчас – выпьем и закусим! После тесной капсулы у вас, наверное, пересохло в горле».

«Там было не так уж тесно, – заметила Рэйвлин Сихоу. – Нас всего-то девять человек». Она бросила критический взгляд на утес: «Если бы это была иллюзионная панель, я подумала бы, что она слишком причудливая».

«Дражайшая Рэйвлин! – воскликнул Уллворд. – Скала настоящая! Впечатляющая, великолепная!»

«Все это так, – согласился Фробишер Уорбек, коренастый высокий блондин с красноватыми щеками и благожелательным взглядом голубых глаз. – Как насчет обещанной выпивки, Бруэм?»

«Конечно, конечно! Тед, старина, я тебе доверяю. Не послужишь ли ты нам барменом? А вы двое, – Уллворд повернулся к Руни и Юджине, – хотите освежающей холодной газировки?»

«А какая у вас есть?» – поинтересовался Руни.

«На все вкусы! Ведь вы не где-нибудь, а в убежище Уллворда! Посмотрим, что тут у меня... глютамин метиламина, фосфат циклопродактерола, гликоцитроза метатиобромина-4...»

Руни и Юджина выбрали то, что им больше нравилось, и Уллворд вручил им шарообразные бокалы с газировкой, после чего поспешил расставить столики и стулья для взрослых гостей. Вскоре все удобно устроились и расслабились.

Юджина что-то прошептала на ухо матери, и Рэйвлин благосклонно улыбнулась: «Земвлад Уллворд, помните красивый дуб, листочек которого вы подарили Юджине?»

«Разумеется».

«Он все еще свежий и зеленый, как всегда. Не позволите ли вы Юджине взять на память несколько листьев других деревьев?»

«Дражайшая Рэйвлин! – Уллворд разразился хохотом. – Она может взять на память целое дерево!»

«Ой, мама! Можно...»

«Юджина, не говори глупости! – отрезал Тед. – Как мы можем взять с собой целое дерево? Где мы его посадим? В туалете?»

Рэйвлин посоветовала: «Сходите с Руни, найдите красивые листья. Но не уходите слишком далеко».

«Хорошо, мама! – отозвалась Юджина, кивком подзывая Руни. – Пошли, дурень. Возьми корзинку».

Тем временем другие гости разглядывали саванну. «Прекрасный вид, Уллворд, – похвалил Фробишер Уорбек. – Как далеко простираются твои владения?»

«В западном направлении – на восемьсот километров, до океана. На восток – до самых гор, почти на тысячу километров. На север – очень далеко, на тысячу семьсот пятьдесят километров, а на юг – больше, чем на триста километров».

Фробишер торжественно покачал головой: «Ничего себе! Жаль, что ты не смог купить всю планету. Вот тогда уж ты на самом деле остался бы в одиночестве!»

«Да, жаль».

Уллворд развернул карту: «Тем не менее, как ты можешь видеть, у меня есть самый настоящий вулкан, несколько превосходных рек и горный хребет, а здесь, в дельте Коричной реки – самое что ни на есть подлинное вонючее болото!»

Рэйвлин ткнула пальцем в карту: «А почему здесь написано „Одинокий океан“? Я думала, он называется океаном Уллворда».

Уллворд смущенно рассмеялся: «Это, если можно так выразиться, поэтическое преувеличение. Мои права распространяются на прибрежную полосу шириной в пятнадцать километров. Вполне достаточно для плавания».

«Но в свободное плавание под парусом вы отправиться не можете, земвлад Уллворд?» – усмехнулся Харрис Кейб.

«Увы, не могу», – признался Уллворд.

«Жаль!» – обронил Фробишер Уорбек.

Хайла Кейб указала на карту: «Смотрите, какие чудесные горные массивы! Вот Великолепные горы! А здесь – Сады Элизиума! Я хотела бы их увидеть, земвлад Уллворд».

Уллворд разочарованно покачал головой: «Боюсь, это невозможно. Они за пределами моей территории. Я их сам еще не видел».

Гости изумленно уставились на него: «Но у вас есть возможность...»

«Мой договор с земвладом Мэйлом накладывает жесткие ограничения, – пояснил Уллворд. – Он остается на своей территории, а я – на своей. Таким образом ни один из нас не вмешивается в частную жизнь другого».

«Смотри! – Хайла Кейб повернулась к Рэйвлин. – Невообразимые Пещеры! Разве можно удержаться от того, чтобы хотя бы взглянуть на них?»

Аквистер торопливо вмешался: «Здесь так приятно сидеть и просто дышать несравненным свежим воздухом. Никакого шума, никаких толп, не нужно толкаться, некуда спешить...»

Гости пили, болтали и загорали в вечерних солнечных лучах. Заручившись помощью Рэйвлин Сихоу и Хайлы Кейб, Уллворд приготовил простой ужин из дрожжевых драже, переработанных белков и толстых полосок хрустящих водорослей.

«Ни настоящего мяса, ни вареных растений?» – удивился Уорбек.

«Я это попробовал в первый день, – сказал Уллворд. – Омерзительно! Потом у меня целую неделю болел живот».

Поужинав, гости посмотрели комическую мелодраму на настенном экране. Затем Уллворд отвел их в различные отведенные для них ячейки, и через несколько минут, после обмена шутками и всяческими пожеланиями, в убежище Уллворда стало тихо.

На следующий день Уллворд попросил гостей переодеться в купальные костюмы: «Отправимся на пляж, будем валяться на песке и куваться в прибое океана Уллворда!»

Гости весело забрались в аэромобиль. Уллворд пересчитал пассажиров: «Все на борту? Поехали!»

Поднявшись в воздух, они полетели на запад – сначала над саванной, потом еще выше, чтобы обозревать открывшуюся панораму над Крепостными Утесами.

«Самый высокий пик – там, на севере – больше трех километров высотой, – говорил Уллворд. – Видите, как он торчит? Представьте себе его массу! Сплошной камень! Ты не хотел бы, чтобы такой камешек упал тебе на ногу, Руни? Нет? Я тоже так думаю. А сейчас мы пролетим над пропастью, метров триста глубиной, с отвесными стенами. Вот она! Достопримечательно, не правда ли?»

«Впечатляюще, ничего не скажешь!» – согласился Тед.

«Только представьте себе, как выглядят Великолепные горы!» – с язвительным смехом отозвался Харрис Кейб.

«А какой высоты эти Великолепные горы?» – поинтересовалась Лиорнетта Стобарт.

«Что ты сказала? Какие горы?»

«Великолепные».

«Точно не знаю. Наверное, десять или двенадцать километров».

«Какой чудесный вид там открывается, представляю себе! – заметил Фробишер Уорбек. – По сравнению с Великолепным хребтом эти утесы – не более чем предгорья».

«Крепостные Утесы мне тоже нравятся», – поспешила возразить Хайла Кейб.

«Да-да, разумеется, – отозвался Уорбек. – Замечательный вид! Тебе повезло в жизни, Бруэм!»

Уллворд ответил коротким смешком и повернул машину на запад. Они пролетели над множеством лесистых холмов, и, наконец, впереди заблестел Одиноким океан. Машина Уллворда стала полого спускаться и приземлилась на пляже; гости вышли наружу.

На пляже было тепло, ярко светило солнце, с моря налетал ветер. Ревущий прибой расплескивался на песке лавинами брызжащей пены.

Новоприбывшие земляне с опаской поглядывали на бушующее море. Уллворд развел руками: «Чего мы ждем? Приглашения? Целый океан – в вашем распоряжении!»

«Но волны такие высокие! – пожаловалась Рэйвлин. – Смотрите, как вся эта вода обрушивается на песок!»

Лиорнетта Стобарт отвернулась и покачала головой: «На иллюзионных панелях прибой всегда такой спокойный и приятный. А эти волны могут легко подбросить человека и переломать ему кости».

«Не ожидал увидеть настолько неистовую стихию», – признался Харрис Кейб.

Рэйвлин подозвала Юджину: «Не вздумай заходить в воду, котенок! Не хочу, чтобы тебя унесло в море. Тогда ты в самом деле узнаешь, как одиноко в Одиноким океане!»

Руни подошел к воде и осторожно зашел по колено в шипящую пену. Гребешок волны хлопнул его по бедрам; пританцовывая, он поспешно отступил на пляж. «Вода холодная!» – сообщил он.

Уллворд собрался с духом: «Что ж, смотрите! Я покажу, как это делается!» Он подбежал к воде, на мгновение остановился и бросился лицом вниз в набежавшую высокую волну с белым барашком.

Гости наблюдали за происходящим.

«Где он?» – спросила Хайла Кейб.

Юджина показала пальцем: «Вот он! Я вижу ногу. Или руку».

«Да, вот он! – воскликнул Тед. – Уф! Его опять захлестнула волна. Может быть, кое-кто рассматривает такое занятие как полезный спорт...»

С трудом вскарабкавшись на ноги, Уллворд пробился к берегу через отхлынувший поток воды: «Ха! Замечательно! Бодрит, как ничто другое! Тед! Харрис! Джувенал! Попробуйте, вам понравится!»

Харрис покачал головой: «Не думаю, что сегодня мне стоит этим заниматься, Бруэм».

«Я тоже подожду до следующего раза, – проворчал Джувенал Аквистер. – Может быть, к тому времени море успокоится».

«Но пусть это вас не останавливает! – поддержал Уллворда Тед. – Плавайте, сколько хотите, мы вас подождем».

«С меня пока что хватит, – отказался Уллворд. – Прошу меня извинить – я пойду переоденусь».

Когда он вернулся, все гости уже залезли в аэромобиль.

«Привет! – Уллворд тоже сел в машину. – Все готовы?»

«На солнце жарко, – объяснила Лиорнетта, – и мы решили, что лучше любоваться видом изнутри».

«Через стекло все это выглядит почти как на иллюзионной панели», – заметила Юджина.

«А, понятно. Может быть, вы желаете взглянуть на другие красоты моих владений?»

Предложение Уллворда было встречено с одобрением; он поднял машину в воздух: «Мы можем полететь на север и посмотреть на хвойные леса – или на юг, к вулкану Кайраско. К сожалению, он в данный момент не извергается».

«Решайте сами, земвлад Уллворд, – сказал Фробишер Уорбек. – Не сомневаюсь, что у вас тут везде прекрасные виды».

Уллворд задумался, выбирая какую-нибудь из известных ему достопримечательностей: «Что ж, сперва посетим Коричную Трясину».

Они летали два часа – сначала над болотами, потом над дымящимся кратером горы Кайраско, потом на восток, к подножию Сумрачных горы и вдоль реки Каллиопы до ее источника – Златолистного озера. Уллворд комментировал достойные внимания виды и любопытные аспекты местности. Восхищенное бормотание у него за спиной становилось все тише и, наконец, умолкло.

«Достаточно? – весело оглянулся Уллворд. – Невозможно увидеть целый континент за один день! Может быть, завтра отправимся в еще одну экскурсию?»

На несколько секунд наступило молчание, после чего Лиорнетта Стобарт сказала: «Земвлад Уллворд, нам не терпится взглянуть на Великолепные горы. Может быть... Как вы думаете, не могли бы мы просто слетать туда и обратно? Уверена, что земвлад Мэйл не станет особенно возражать».

Уллворд покачал головой с довольно-таки напряженной улыбкой: «Он обязал меня неукоснительно выполнять несколько правил. У нас с ним уже было одно столкновение по этому поводу».

«Но как он может узнать о том, что мы туда полетим?» – спросил Джувенал Аквистер.

«Скорее всего, не узнает, – согласился Уллворд, – однако...»

«Как ему не стыдно! Он практически запер вас на скучном маленьком полуострове!» – с возмущением произнес Фробишер Уорбек.

«Пожалуйста, земвлад Уллворд!» – ныла Юджина.

«Ну хорошо!» – отважился Уллворд.

Он повернул аэромобиль на восток. Под ними проплыли Сумрачные горы. Гости смотрели в окна, обмениваясь восхищенными восклицаниями по поводу чудесных панорам запретной территории.

«Как далеко до Великолепных гор?» – спросил Тед.

«Недалеко. Еще примерно полторы тысячи километров».

«А почему вы летите так низко? – спросил Фробишер. – Поднимитесь выше! Дайте посмотреть, как все это выглядит сверху!»

Уллворд колебался. Скорее всего, Мэйл спал. И, в конце концов, у него не было никакого права запрещать соседу невинные непродолжительные полеты...

«Земвлад Уллворд! – воскликнул Руни. – У нас за кормой какой-то аэромобиль!»

Аэромобиль сравнялся с машиной Уллворда. Уллворд встретился взглядом с голубыми глазами Кеннеса Мэйла. Астронавт указывал вниз, настаивая на том, чтобы Уллворд приземлился.

Уллворд поджал губы и стал быстро спускаться. У него за спиной слышались возмущенные сочувственные замечания.

Уллворд приземлился на приятной поляне посреди темного хвойного леса. Машина Мэйла опустилась рядом; астронавт соскочил на землю и жестом подозвал Уллворда. Вдвоем они отошли в сторону. Гости бормотали и укоризненно покачивали головами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.